

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

СИНИЙ ГОРОД
НА САДОВОЙ

Владислав Крапивин

Синий город на Садовой

«Автор»

1991

Крапивин В. П.

Синий город на Садовой / В. П. Крапивин — «Автор», 1991

ISBN 5-699-16953-9

Герои повести «Синий город на Садовой» создают любительскую киностудию и бесстрашно вступают в борьбу против произвола школьных властей и милиции, за здоровье, честь и достоинство своих сверстников...

ISBN 5-699-16953-9

© Крапивин В. П., 1991

© Автор, 1991

Содержание

Первая часть	5
Трескучее знакомство	5
Дела семейные	11
Этот день с утра до вечера...	19
Кино один на восемь	26
Лифт	34
Вторая часть	40
Спирали	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владислав Крапивин

Синий город на Садовой

Первая часть ДТП

Трескучее знакомство

Ваза была высотой в полметра, крутобокая. Из фарфора или фаянса. На выпуклой поверхности художник изобразил синей краской городской пейзаж. Тесно стояли дома с острыми голландскими крышами, упирались в круглые облака башни и колокольни, раскидывал голубые струи фонтан с русалками, кудрявились деревья, и вилась между ними горбатая, выложенная булыжниками мостовая. А над крышами и в конце улицы поднимались мачты с подобными парусами и длинными флагами.

Стояла ваза на тумбочке, вровень с подоконником, и хорошо была видна прохожим сквозь чистое стекло. Когда Федя проезжал здесь на велосипеде, она оказывалась на уровне его глаз. Маленький синий город написан был тонкой кистью, с множеством всяких деталей, и каждый раз Федя успевал заметить какую-нибудь новую подробность: то флюгер-кораблик над башенкой, то рыбака под аркой каменного мостика, то двоих мальчишек, прилаживающих вертушку на гребне крыши...

Окно с нездешним городом было крайним в большом ряду. Дом был длинный, одноэтажный, старинный. С украшениями в виде строгих женских масок под карнизом. Время пришлось по алебастровым маскам неласковой рукой, и теперь каждая из них жила со своим выражением...

Улица здесь называлась хорошо – Садовая. Кстати, много лет носила она другое имя – Жданова. Но недавно ей вернули прежнее название, полученное еще лет двести назад. Говорят, в ту пору здесь росло множество садов.

Улица и сейчас была зеленая. Над крышами подымались косматые вековые тополя. И поэтому здесь не было зноя даже в такую жару, которая навалилась на областной город Усталск нынче, в середине июня...

Федя открыл для себя Садовую весной этого года, когда стал уезжать на велосипеде подальше от дома. То есть он бывал на этой улице и раньше, но редко и не замечал, какая она хорошая. А недавно, в конце апреля, увидел в окне вазу, и Садовая сделалась для него... ну, будто сама она – частичка того Синего города. Даже Борису он ничего не сказал о таком открытии. Слишком уж это было... свое, что ли. Нет, Борис поймет, конечно, только кто знает, сумеет ли ощутить себя в н у т р и этого Города?.. И Федя стал заходить и заезжать сюда один. Любым случаем пользовался, чтобы путь его пролег по Садовой.

Машины здесь почти не ходили, не грозили мальчишке-велосипедисту. Не встречались и компании, готовые завопить: «Чё тут разъездили, а ну, вали с не своей улицы!»

Проехав мимо окна с вазой, Федя уже не вертел педали, позволяя велосипеду самому ехать под уклон по тропинке между асфальтом и деревянным штакетником. Скорость постепенно нарастала, но в конце спуска и поворота Федя обязательно оглядывался через плечо. На пустынной улице это не страшно. К тому же в свои двенадцать лет он был человеком постоянных привычек. Этот секундный взгляд через плечо тоже стал привычкой: «Посмотрю еще раз на оставшийся за спиной Город».

Конечно, вазы в дальнем окне уже не было видно, только поблескивало стекло. Но сама Садовая казалась отсюда удивительной и даже немного таинственной. Как средневековый замок, оштетинивался кирпичными башенками дом, в котором помещались всякие конторы вроде «Облкниготорга». Торчала над кленами старая и красивая пожарная вышка, правее ее краснела готическая колокольня костела, который давным-давно построили в Устальске ссыльные польские повстанцы. Все это вместе с мезонинами, тополями, чердачными будками, жестяными узорами дымников над печными трубами создавало мгновенную, как в мелькающих кадрах кино, картину неведомого города. И ничуть не было похоже на мир одинаковых многоэтажек, в которых обитал Федя...

Посмотрев назад, Федя пригнулся к рулю и давил на педали, чтобы не потерять скорости. И не случилось ни разу, чтобы кто-то оказался на пути. Да и как этот «кто-то» мог возникнуть на тропинке за одну секунду?

Но сегодня случилось небывалое.

Глянув через плечо, Федя вновь обратил вперед сощуренный взгляд наездника – и... сердце ухнуло в желудок. Перед ним метрах в трех торчала девчонка. Стояла боком к велосипеду и держала коробочку размером с портсигар...

Конечно, палец вдавился в кнопку звонка, а ноги рванули педали назад, на тормоз! Да толку-то... И одно оставалось: крен, рывок руля и – передним колесом в штакетник...

Хрустнули рейки. Инерция плавно сняла Федю с седла, пронесла головой сквозь ветки желтой акации и аккуратно уложила в развилку крепкого клена. Пару секунд Федя висел в этой великанской рогатке, мысленно прощупывал себя – все ли цело? – и дивился своему везению (ведь гораздо больше шансов было башкой о ствол). Затем задрыгал ногами, упал в траву и вскочил, подтягивая трусы. При застревании в клене они съехали, лишив Федин поступок всякой окраски героизма и жертвенности. Хорошо, хоть не совсем. Резинка тугая...

Он, закусив губу, посмотрел на виновницу аварии. Та отскочила с тропинки к забору. Прижимала к губам костяшки согнутых пальцев и растерянно таращилась на Федю.

Федя наградил девчонку соответствующим взглядом и пошел к велосипеду. Как и следовало ожидать, тот выдержал испытание. Подумаешь, какой-то речный штакетник! Их с Борисом верный «Росинант» видал и не такое. Федя поставил задрезжавшую «конягу» на колеса, оперся о руль и опять глянул на девчонку. Теперь действию полагалось покатиться по привычному сценарию. Следовало сказать что-нибудь вроде: «Дура сосновая, торчит тут на дороге, как одноразовый шприц в витрине, а люди должны шею ломать...» И в ответ услышать об ушибленных в детстве «ковбоях», которые разиня рот несутся сослепу, как бочки с горы... После чего и расстались бы.

Но... Федя глянул и не стал ругаться.

Искушенный читатель небось подумает, что мальчишка встретился с незащитным взглядом юной красавицы, испытал незнакомое ранее смущение и потерял дар речи. Вот уж нет! Девчонка была самая обыкновенная. Со слипшимися прядками короткой стрижки, с мелким, без всякой красоты, лицом (такое и не запомнишь сразу). Если бы не вельветовая, мышинного цвета, юбка и не капельки-сережки, можно было принять ее за пацана, Федино одногодка. Такая же голенастая, тонкошея, уже с загаром. В мальчишеской майке с надписью: «Автоспорт». Она смотрела на Федю с боязливой вопросительностью, но уже без прежнего большого испуга. Вытянутыми и в дудочку губами дула на костяшки пальцев. И ждала т е х с а м ы х слов. А поскольку ждала, какой смысл их говорить? Да и главное, что оба целы: и «Росинант», и он сам...

И, глядя поверх девчонкиной головы, Федя со снисходительным вздохом произнес раздельно:

– Дэ-тэ-пэ...

– Что? – нерешительно откликнулась девчонка.

– «ДТП», говорю, дорожно-транспортное происшествие. Все виновники и участники живы и в госпитализации не нуждаются. Будем вызывать ГАИ? Взаимные претензии есть?

Девочка наконец улыбнулась:

– У меня нет... Я только перепугалась.

– Думаешь, я не перепугался? – сумрачно признался Федя. – Ладно, на этом разбор происшествия закончен. Больше не торчи на проезжей части... – Он встал на педаль, толкнулся, перекинул ногу и покатил, ощущая спиной девчонкин взгляд. И как бы все еще видя ее перед собой: серьезно-виноватую, со сжатым костлявым кулачком у губ, с качающейся под локтем на ремешке черной коробочкой (фотоаппарат, что ли?). А на остром локте блестит влажно-красный рубчик...

Это алое пятнышко сперва царапало сознание подспудно, без всяких мыслей. Потом появилась и первая тревожная мысль. Федя от нее отмахнулся: «Да ладно тебе! Ты, что ли, виноват?» Однако беспокойство зацарапалось ошутимее, и Федя понял, что так просто теперь от этого не отвяжешься. Он себя знал. «Хватит тебе! – попробовал он еще огрызнуться. – Подумаешь, царапина. Придет домой, смажет, забинтует...»

«А если она далеко от дома?»

«Ну и не помрет!..»

Но тут вернулось последнее, с чем не поспоришь: «А если бы такое со Степкой?»

Чертыхнувшись, он развернул «Росинанта». Тот сразу отяжелел, заупрямился – на подъеме-то! Привставая от натуги на педалях, Федя поехал назад, потом соскочил, повел велосипед за руль. Девочка по-прежнему стояла у забора. Смотрела на подходившего мальчишку без удивления. Будто знала, что он вернется. И сказала, когда подошел:

– У тебя на спине майка порвана. На лопатке...

Федя закинул руку, нащупал вырванный клочок и дыру.

– Фиг с ней. А с локтем у тебя что?

– Где?

Подавив стеснительность, Федя взял ее руку, повернул (черный аппарат опять закачался на ремешке). С локтя сорвалась красная капля.

– Ох, я и не заметила с перепугу... Тут гвоздь в заборе.

– Гвоздь, он ржавый. Вот протянешь ноги от заражения...

На «Росинанте» было две сумки-аптечки: одна под рамой – для велосипеда, другая под седлом – для всадника.

Федя разорвал хрустящий пакет с бинтом, скрутил тампон.

Ранка на локте была небольшой, но глубокой. Федя промокнул ее марлей, отбросил в подорожки покрасневший комок. Скрутил из бинта другой. Зубами вынул пробку из коричневого пузырька. У девочки жалобно округлился рот.

– Можешь визжать, только не дергайся, пожалуйста...

Морщась, как от собственной боли, он прижал к ранке пропитанную йодом марлю. Степка при таких случаях таращил глаза и мужественно сопел. Девочка страдающе сказала:

– Не буду я визжать... Ой... А ты что, всегда с собой медикаменты возишь?

– Ага... Говорят, что я перестраховщик...

– Кто говорит?

– Все... Родители. И я сам...

Он забинтовал ей локоть.

– Как у тебя ловко выходит... Учился, да?

– На себе. И на родственниках, – буркнул Федя. – Ну, все. Теперь будешь жить. Пока...

– Сунул остатки бинта в сумку, встал на педаль.

– Постой. А майка-то...

– Что – майка? Я же ее йодом не заклею...

– Давай зашью. Услуга за услугу...

Он вдруг смутился. Проворчал:

– Я медицинские услуги бесплатно оказываю. Сейчас милосердие в моде. Социализм с гуманным лицом...

– Лицо-то гуманное, а спина драная. Как поедешь?

Федя опять дотянулся до спины. Клок был изрядный.

– А ты тоже перестраховщица? Иголку с собой носишь?

– Я живу тут в двух шагах. Пойдем...

– Ну да! Приведешь с улицы ободранного незнакомца, родители – в обморок. Да еще велик небось по лестнице тащить...

– Не надо тащить... А штопка – это же не йод, не страшно...

Федя подумал, что в драной майке являться в детсад за Степкой и в самом деле неловко. А заезжать домой и переодеваться – волокита.

– Ну, пошли уж...

Они, не глядя друг на друга, спустились до перекрестка, свернули на улицу Декабристов.

– Вот здесь я живу.

Дом был деревянный, в шесть окон. Видимо, двухквартирный. Ставни, точеные шишечки на карнизах. Старина...

– Вот мое окошко, крайнее...

– Прекрасно! – обрадовался Федя. – Сядешь на подоконник и будешь зашивать. А я здесь подожду, в палисаднике.

– Как хочешь...

Девочка ушла в калитку и через минуту толкнула изнутри оконные створки.

– Давай...

Федя прислонил «Росинанта» к изгороди, а сам перескочил внутрь палисадника, где росла высокая трава и рябинки. Довольно ловко вышло. Он сдернул через голову майку, бросил ее девочке, а пакет с марками – вполне уцелевший при аварии – положил на подоконник (он был на уровне Федино подборода). Девочка посмотрела на конверт и ничего не спросила. Потом задержала взгляд на Феде. Тот понял, что она смотрит на его медный крестик. Внутренне напрягся, готовый огрызнуться на любопытство. Но девочка молча заработала иглой.

Она сидела, свесив ноги в комнату. Спиной и боком к Феде. Шила быстро, широкими ровными взмахами. Бинт на локте летал туда-сюда белой бабочкой. Майка была красная, нитку девочка тоже взяла красную, точно в цвет. И эта маленькая ее предусмотрительность вдруг вызвала у Феи симпатию и благодарность.

Девочка откусила нитку, кинула майку Феде:

– Лови... Не новая теперь, конечно, да что делать...

Федя натянул майку – неловко и суетливо, потому что вдруг застеснялся голого поцарапанного живота и чересчур торчащих под кожей ребер. Девочка же смотрела спокойно, не отводя глаз. Поднесла ко рту кулачок, провела по губам костяшками и спросила с чуть боязливым и серьезным интересом:

– А ты правда верующий? Или так, ради моды?

Не учуял Федя в ее вопросе ни капельки насмешки. И потому не сумел ошетиниться, только сказал со вздохом:

– Ну, погляди. Похож я на того, кто гоняется за модой?

И тут она слегка улыбнулась:

– А чего ж... Майка-то модная: жеваная. Сам красил?

Он хмыкнул:

– Кто же еще? Александр Сергеич, что ли?

Красили вдвоем со Степкой. Случилось так, что искали в кладовке запасной шланг для насоса и наткнулись на пакетик с порошком-красителем для хлопчатобумажной ткани.

– А давай покрасим белые майки! – Шестилетнего Фединого племянника иногда озаряли оригинальные замыслы.

– Зачем? – усомнился Федя.

– Ну... под цвет трусов получится. Красиво будет.

– Совсем под цвет не получится. Смотри, тут написано «алый», а трусы темно-красные.

– Подумаешь! – нашелся Степка. – Выгорят и будут светлые! В такую погоду – это быстро.

Трусы им сшила Ксения – Фебина старшая сестра и Степкина мама. Она распоролла свое старое платье, оторвала от него блестящую подкладку и за вечер соорудила сыну и брату летние обновки. Это было весьма кстати, особенно для Феде. Потому что его прошлогодняя летняя одежда вся была истрепана, а в «Детском мире» фиг что купишь: в отделе «Товары для отъезжающих в пионерский лагерь» только разноцветные девчоночьи зонтики, красные блестящие барабаны да свитера с начесом – по сногшибательной кооперативной цене. У девчонок был еще крайний выход: ободрать зонтики и сшить себе из этой материи пестрые юбочки. А мальчишкам что делать? Школьные штаны и джинсы при навалившейся жаре казались орудием пытки...

Ксения, хотя и кончила филологический факультет, была мастерица швейного дела. Недаром работала не в школе, а в ателье «Светлана». Трусы соорудила фирменные – с клапанами, с белым галуном по кромкам и швам, с двумя задними карманами и тройной резинкой в поясе. У кооператоров такие стоят не меньше чем четвертак, особенно если еще с иностранной нашлепкой на кармане. Такие нашивки Ксения тоже обещала найти и пришить.

Степкина идея перекрасить майки сперва не вдохновила Федю. Лень было возиться. Но Степка настаивал:

– Смотри, как будет здорово, все под цвет. У меня и сандалии красные, а у тебя кроссовки с красными полосками.

– Ну, давай. Пока дома никого нет...

Инструкция, напечатанная на пакетике, была проста. Соорудили в эмалированном тазу раствор, нагрели на газовой плите, прокипятили там две майки с короткими рукавами. Перед покраской Федя навязал на них много тугих узелков. И на месте каждого узелка оказалось светлое пятнышко с разводами вокруг. Похоже на хризантемы.

– Ну? – с удовольствием сказал Федя. Приятно сознавать, что ты освоил в жизни еще одно полезное дело.

– Фирма, – солидно согласился Степка.

Майки были прополосканы и сушились над плитой, когда явилась с рынка Ксения. Пожелала узнать – «что! это! такое?!».

– Эксперимент, – объяснил Степка. Получил по шее пучком зеленого лука и укрылся за дядюшкой.

– Психи, честное слово! – запричитала Ксения. – У Степана единственная белая майка была для спортивных занятий в садике! Ребенка без нее на порог не пустят!

– Пустят ребенка... Ты лучше погляди, как получилось! И всего за час! А в мастерской бы месяц проволынили. Помнишь, ты свое платье туда сдавала?

Ксения обрела педагогическое спокойствие. Спросила, знают ли они книгу «Детство» писателя Максима Горького?

Федя сказал, что проходили в прошлом году. Степка вспомнил, что видел кино.

– В таком случае вам известно, как дед Каширин учил внука, который без спроса выкрасил скатерть...

– Степан, – произнес Федя. – На происки реакционных сил мы ответим чем?

– Чем?

– За... – подсказал Федя.

– Запремся в ванной?

– Дурень. За-бас-товкой!

– Это как? – с беспокойством поинтересовалась Ксения.

– Это – просто. Степка не будет чистить зубы и умываться, превратится в отброс общества. Я не буду водить его в детский сад, тебе придется опаздывать на работу, и тебя прогонят. Швейная промышленность не сможет выбраться из кризиса, и страна попадет в зависимость от иностранного капитала, потому что без штанов и бюстгальтеров население долго не протянет...

Ксения запустила в дорогого брата все тем же пучком лука. Федя уволок Степку за дверь. Сказал оттуда:

– Женская агрессивность – еще один признак общественного кризиса.

– Шиш вы у меня получите, а не обещанные нашивки... Можете нарисовать этот шиш на тряпочке и пришить себе...

– Ну Ксе-еня-а!..

...Конечно, потом она отыскала и пришила им на карманы фирменные ярлыки. Степке – австралийский, серебристый, с черным кенгуру. Феде – немецкий, с готическими буквами-загогулинами и рыцарским щитом, на котором растопыривал крылья желто-черный орел. Дядюшка и племянник заправили в трусы крашенные майки, покрутились друг перед другом, и Федя заметил:

– Мы теперь на уровне мировых стандартов. Как юные жители Флориды.

– Это где?

– Это в Соединенных Штатах. Там всегда тепло.

– Как в Анапе? – со знанием дела уточнил Степка, побывавший однажды с матерью в южном пансионате.

– Еще теплее. Там почти постоянное лето.

– Постоянное – это плохо. От жары замучаешься...

Федя не согласился. Лето он любил, несмотря ни на какую жару, и всегда страдал, что оно короткое... Впрочем, сейчас он был доволен. Потому что лето лишь началось, майка выкрасилась прекрасно, а орел на кармане выглядел весьма престижно.

...Таким образом, Федя был не совсем точен, когда сообщил девочке, что равнодушен к моде. Хотя сказал он это вполне искренне. Недавний интерес его к «тряпичным» делам угас, и даже порванная майка почти не огорчила. Но, вспомнив, как ее красили, вспомнил он и про Степку, и про то, что пора забирать его из детсада.

– Спасибо. Поеду я... Дела семейные... – И опять прыгнул через рейковый заборчик.

Дела семейные

В словах Феди Кроева, что он перестраховщик, было много правды. Что поделаешь, раз такая жизнь. Если не быть предусмотрительным, обязательно случится что-нибудь плохое... Впрочем, боялся Федя не за себя, а за родителей, за Ксению, а больше всего за Степку – самого беззащитного. Федя даже подозревал, что у Степки на роду написаны всякие несчастья, поэтому приходилось держаться настороже.

Первое Степкино горе случилось, когда тот еще не родился. Погиб отец.

Ксения «выскочила» замуж восемнадцати лет, «по-современному», никого не спросившись. Конечно, родители поохали, поахали, да что поделаешь, коли такая любовь. Да и муж Миша оказался славный. Ксенин однокурсник. Зажили мирно и весело, в отдельной комнате. Благо, что к тому времени семейство инженера Кроева получило наконец трехкомнатную квартиру в кооперативе. Только вскоре в институте вышел скандал. Миша оказался в какой-то студенческой группе, которая устраивала митинги и выпускала газету против начальства. Начальство это вкатило Мише три «неуда» на весенней сессии и отчислило любителя митингов за неуспеваемость. Шум был большой. Миша и его друзья доказывали, что «неуды» липовые, писали даже в «Комсомольскую правду». Приезжал журналист, вмешивались депутаты, но дело затянулось до осени, а там принесли повестку – и поехал Михаил Горецкий служить в Казахстан. Оставил молодую жену рожать ребенка, а друзей – отстаивать правду до конца. С полгода приходили нормальные письма: все, мол, в порядке, отслужу, восстановлюсь в институте, заживем лучше прежнего. А потом пришло сообщение, что рядовой Горецкий покончил с собой...

Вот тогда-то шестилетний Федя впервые ощутил, как свинцово, безнадежно придавливает семью горе.

В часть поехали отец и Мишина мама, Ксене было нельзя: скоро в роддом. Мишу привезли в длинном запаянном ящике из листового металла. Но еще там, в гарнизоне, отец настоял, чтобы ящик вскрыли. Он умел добиваться своего, инженер Виктор Григорьевич Кроев. И когда увидел избитое, в рубцах и ранах, тело, ясно стало: не было самоубийства. Просто не научился Михаил Горецкий гнуться ни перед кем, в том числе и перед толстомордыми, привыкшими к безнаказанности армейскими «дедами». Себя не давал в обиду, а потом заступился за шуплого, затюканного новобранца. И ночью толпа соблюдавших свой закон «дембилей» избивала Мишу так, что он умер от сотрясения мозга.

Нашлись и свидетели. Среди них – тот, выживший в бойне новобранец. На сей раз прикрыть дело не удалось. Кто-то полетел с должности, кто-то угодил под трибунал. Да только Ксене и крошечному появившемуся на свет Степке было не легче...

Ладно хоть, что родился малыш здоровым, несмотря ни на что.

Ксения была женщина хотя и чересчур заполошная, но решительная. Она поклялась ничего не скрывать от сына, и тот уже в три года знал, что «папу Мишу убили дембили». Слово «дембиль» стало ненавистным и для него, и для Феди. И вовсе не в армии здесь было дело, Федя со Степкой играли и в солдатиков, и в морской бой, и смотрели фильмы про сражения – без всяких мыслей о казарменных жестокостях. А дембили – это были те, у кого тусклый, оловянный взгляд, сытые рожи, речь с ленцой, жующие челюсти. Те, кто готовы отдавить ноги и растолкать всех, чтобы пройти самим. Те, кто в кинозале громко разговаривают и гогочут, когда на экране у героев фильма слезы... И те, кто в тельняшках, беретах и растерзанных мундирах пьяной компанией топают посреди улицы в день своего десантного праздника.

Дембили – это была толпа. И та, которая что-то неразборчиво орет и машет плакатами на площади, и та – в одинаковой серой форме, теснящая и умиряющая эту площадь умелыми взмахами черных палок, – видел Федя и такое. И по телевизору, и один раз даже на улице.

А еще он видел такую же толпу в американской кинокартине. Тогда только-только разрешили показывать фильмы на божественные темы, и в передаче «Мы и планета» крутили двухсерийную ленту «Евангелие от Луки». И там римские солдаты держали за руки худого избитого человека в венце из колючек, а библейские дембили бесновались, орали и требовали распять его... А ведь, гады такие, совсем незадолго до этого так же истошно вопили: «Слава Тебе!..» Толпе все равно – славить или терзать. Лишь бы только быть орущим стадом, не думать поодиночке...

Вскоре после этого фильма Федя и принял крещение. Из-за страха перед этой толпой и назло ей. А еще – из сочувствия к тому, кого распяли. И от сердитой радости, что Он воскрес и доказал: есть сила более могучая, чем толпа.

Но конечно, словами такие ощущения Федя никогда объяснить не сумел бы. Потому что было ему тогда девять лет. В ту пору умерла Мишина мама, Степкина бабушка. Жила она без мужа, единственного сына воспитывала одна и после его гибели сразу состарилась, согнулась и непрестанно болела. Одна у нее осталась отрада – внук Степушка. Часто она приходила, пыталась нянчиться с внуком, играла с ним, как могла. Да только получалось это не всегда – задыхаться стала бабушка и часто плакала... Перед смертью просила она выполнить одно желание – окрестить Степушку, чтобы Господь уберег его от всяких будущих бед. Ксения не всегда ладила со свекровью, но всегда жалела ее и это желание выполняла.

Отец и мать в церковь не пошли, были на работе, а Федю Ксения взяла, сказала, что он будет крестным отцом Степки. Но в церкви выяснилось, что это нельзя: сам-то Федя некрещеный. Крестного нашли из числа Ксениных однокурсников, пришедших с нею. А у Феде кто-то (он уж и не помнит кто) спросил:

– А может, и тебя, отрок, обратить в православную веру? Хочешь?

Полумрак церкви казался Феде таинственным и ласковым, люди – добрыми, и не хотелось уйти отсюда как постороннему.

– Ладно, – тихо сказал Федя.

– А в Бога-то веруешь? – спросил какой-то Ксенин приятель. Его шепотом одернули. Но Федя вдруг вспомнил, как перед сном, в сумраке, томился загадками: зачем он на свете, и почему этот свет такой громадный, и кто его создал? И еще вспомнил – как потная, одуревшая от ярости толпа требовала распять на кресте того, кто желал ей только добра...

– Да... – выдохнул Федя. И, не умея как следует объяснить свое сочувствие к тому, кого предали древние иерусалимские дембили, пообещал шепотом: – Я буду за него заступаться.

– Ишь ты... – тихонько удивился кто-то. Но больше ни один человек не выразил своего отношения к столь необычному религиозному взгляду.

Сама процедура крещения Феде запомнилась неясно, все происходило словно в сдвинутом, фантастическом пространстве, где еле выступали из сумерек строгие лица в обрамлении золотистых кругов, искрилась риза бородатого священника и в космической высоте светились узкие окна. Помнил Федя тепло от живых трепещущих огоньков и еще – запах, похожий на тот, который в знойную пору наполняет разогретый еловый лес... Но в этой затуманенности ощущений проступило и осталось потом надолго чувство охватившей его доброты и защищенности...

Отец к известию о Федином крещении отнесся спокойно. Он был вообще спокойный и немногословный. Взъерошил Федину макушку, подержал на ладони его крестик, сказал вполголоса:

– Ладно, вырастешь – разберешься, что к чему. А пока помни – это не игрушка... – И пошел пить крепкий чай на кухне и думать о своих заботах. Высокий, сутулый, всегда занятый делами своей лаборатории тугоплавких соединений.

– Ты хоть в школу-то с крестиком не ходи. А то в пионеры не примут, – заволновалась мама.

Но Федя ходил в школу с крестиком. Потому что иначе – нечестно. Получилось бы, что боится... Впрочем, ничего особенного не случилось. Крестик под рубашкой не видать, а на шнурок не обращали внимания: многие мальчишки так носят на шее квартирные ключи... Потом на физкультуре, когда занимались в открытых майках и шортиках, крестик увидели, но особого впечатления это не произвело. Петька Суровцев сказал:

– Чё, сам крестился или заставили?

Федя только фыркнул: кто, мол, меня заставит?

Витька Шевчук заметил:

– У, медный... У нас дома серебряный есть, дедушкин...

И только глупый Эдька Шаховский заявил:

– Ха-ха! Монах в коротких штанах! – За что получил от учителя Георгия Максимовича обещание «отправиться из спортзала, открывши лбом дверь». Это, кстати, не понравилось Феде – Максимыч был похож на дембиля, часто раздавал пинки.

А в пионеры Федю приняли, как и всех. Тем более, что выяснилось: крестик не у него одного... Вожатая разъяснила, что «сверху есть указание: в пионерах могут быть кто угодно – и неверующие, и верующие, и какие хочешь, потому что организация теперь добровольная и совсем не политическая». Галстук повязали прямо поверх черного шнурка, который выглядывал из-под белого ворота. И Федя был, конечно, доволен. И все же остался у него какой-то досадливый осадок. Потому что обещание «бороться за добро и справедливость» давали хором, и было в этом что-то от толпы... А потом сделалось все равно. Потому что оказалось, что главная задача пионера – хорошо учиться, а галстук надо носить, чтобы не записали замечание в дневник.

Верил Федя в Бога по-настоящему? Пожалуй, да. После многих размышлений он пришел к выводу, что есть какая-то Великая Сила, которая правит Вселенной. Без этого трудно было бы объяснить многие загадки – и во всем мире, и в самом себе... А кроме того, так хотелось иногда защиты от бед и угроз. Защиты, которой от людей не всегда допросишься...

Но в церкви после своего крещения Федя не был ни разу. И никогда не молился по-настоящему (да и не знал никаких молитв). Он прочитал в книжке «Новый Завет» четыре Евангелия и там узнал, что многочисленные молитвы вовсе ни к чему и что Бог знает твою просьбу еще до того, как ты обратился к нему с первым словом. И бывало, что в трудные минуты Федя сжимал крестик в горячем кулаке и мысленно говорил вместо длинных фраз просто: «Боже, помоги...» Но это случалось всего несколько раз. Обращаться к Богу по пустякам – это было бы попрошайничеством. На одной только Земле людей больше пяти миллиардов, а если во всем Космосе, то мыслящих существ и не счесть! И если каждый будет лезть к Богу со всякими своими мелочами... Другое дело, если уж отчаянно подопрет что-то такое, когда надеяться больше не на кого. А пока есть силы, человек должен делать свои дела в жизни сам. Ведь даже Иисус, который был и человек, и Бог, прошел свой путь на Земле до конца, хотя мог бы с помощью божественной силы мигом избавиться от всех страданий. Не стал избавляться, хотя всякие подонки издевались над ним как хотели. Потому что получилось бы, что он обманул людей. Нарушил бы свой собственный закон... Он ведь лучше всех людей на свете знал, что предательство – это та черная сила, которая может погубить весь мир...

Наверно, грамотные в религии люди нашли бы множество ошибок в Фединых рассуждениях. Но он про эти свои мысли никому не рассказывал, они были слишком его. И когда в школе прошлой осенью объявили, что открывается факультатив по истории религии и что про веру будет рассказывать настоящий священник, Федя не записался. Потому что кинулись туда многие, даже дурак Шаховский. Опять получилось, что «как все», толпой... Да к тому же не очень-то хотелось оставаться на седьмой урок. И после шести-то в голове гудеж. А на классных часах только и слышишь от ненаглядной Флоры Вениаминовны (по прозвищу Хлор-

виниловна): «Вы теперь семиклассники и должны с удвоенной сознательностью относиться к учебному процессу...»

Как будто виноваты, что семиклассники! Из-за дурацких пертурбаций в школьной программе пересадили бывших пятиклассников в седьмой, не спросивши их, а они, значит, теперь должны отдуваться... Вот и со Степкой похожая история. Ходит несчастный пацаненок в детский сад, но уже объявлен первоклассником (какая-то особая там группа!) и в школе пойдет сразу же во второй...

Да, у Степки в его шесть лет жизнь тоже была не розовая. Мало того, что еще до рождения остался без отца, мало того, что каждый день сперва в ясельной, а потом в детсадовской галдящей толпе, так еще его умной маме Ксене стукнуло в голову два года назад снова выйти замуж. За молодого, но уже представительного деятеля швейного кооператива «Золотая игла».

Неизвестно, много ли золота было в той игле, но в Ксениной и Степкиной жизни его, видать, не оказалось вовсе. Федя потом Степку спрашивал: «Обижал он тебя?» – «Да не-е...» – вздыхал Степка. – Наоборот, подлизывался. Слюнявый такой... А с мамой ругались...» В общем, через полгода после свадьбы Федина мама объявила, что Ксения и Степка возвращаются домой. «Так что, Феденька, перебирайся опять в гостиную...»

Тут Федя взвыл. Прямо до слез. Это, выходит, покидать свою отдельную комнату и опять ютиться на диване в общей! А куда он денет все имущество, которое у них с Борисом накопилось за полгода? А где Борька будет ночевать, когда они вдвоем засидятся над макетом замка или моделями?

– Так что же теперь? На улицу Ксене со Степкой идти? – трагически-укоризненно спросила мама.

– Пускай со своим разведенным Женечкой разменивают ихнюю квартиру! – Федя был уже искушен в житейских делах.

– Ксения не хочет больше никакой нервотрепки...

– Ну да! Она не хочет, а я опять хуже кота бродячего...

– Как тебе не стыдно! Она твоя родная сестра!

– Ага! Она – родная, а я вам, значит, не родной, да? Она будет туда-сюда замуж выпрыгивать, а я...

– Вот подожди, придет отец!

Мама почему-то всегда пугала отцом. А он сроду Федю никак не воспитывал. Только скажет иногда: «А не посидеть ли тебе, голубчик, дома денька три за все твои прегрешения?» Пару раз было, что Федя и сидел. Подумаешь, кара какая! Другие папаши за каждую двойку полируют свои ремни о ненаглядных сыновей, а Федя сроду не знал, что это такое.

На сей раз отец выслушал бурные мамины жалобы и решил:

– Давай-ка, Федор, перетащим наши с мамой кровати в большую комнату. А Ксения вьедет на наше место. И все дела...

– Да как же без гостиной! – всполошилась мама.

– А зачем она?

– Ты с ума сошел! А если гости придут?

– Ну и посидят на кроватях, еще мягче будет... Да и чем их кормить нынче, гостей-то? Ливерная колбаса и та по талонам.

– Во-первых, ливерная – без талонов! А во-вторых, вам же на заводе обещали спецпайки!

– Ага, обещали. Пока стачечный комитет заседал. А теперь вот... тоже обещают. Блюдо сезона – обещание под маринадом с гренками из неотоваренных карточек...

Итак, родители перебрались в самую большую комнату, а Федя остался в «своей кошмарной берлоге», как выражалась мама.

И жизнь потекла почти как прежде. Только оказалось, что Степка из бестолкового малыша-хныкалки превратился во вполне сознательную личность. Он уже бегло читал книжки

про Буратино и Волшебника Изумрудного города, высказывал здравые суждения о взрослых и знал немало анекдотов про современную жизнь. К Феде теперь Степка стал относиться как полагается – без излишней липучести, со сдержанной преданностью, но порой и с дурашливой резвостью младшего братишки.

В общем, хороший был племянник Степка. Но...

Сперва разик, потом другой попросила Ксения брата отвести Степу в детский сад, а вечером сходить за ним. Так и повелось. Потому что работала Ксения в своем ателье в полторы смены – деньги-то нужны... Федя наконец не выдержал:

– Хорошо, что со своим Женечкой второго не завели. А то хоть разорвись...

Мама наладилась дать ему по шее (интеллигентный человек, работник гуманного медицинского учреждения!), но Федя в красивом витке ушел от несправедливого возмездия.

– Постыдился бы! При ребенке! – Мама оглянулась на Степку, который торчал тут во время разговора.

– Ох уж «ребенок»! Думаешь, они в своем детском саду не знают, что такое роддом? Послушала бы, о чем они разговаривают, когда на горшках сидят...

Степка бесхитростно подтвердил, что назначение роддома воспитанникам детсада хорошо известно. А второго ребенка не завели, потому что «дядя Женя не хотел нарушать сбалансированность семейного бюджета».

– Во! Слышала?! – восхитился Федя. – Какой же это «ребенок»? Мог бы и сам из детского сада домой топать, здесь всего четыре квартала и переулочки тихие...

– Тебя-то до третьего класса в школу провожали!

– А я просил, да?!

Но ворчал и спорил Федя так, из упрямства. На самом деле ни за что бы он не позволил Степке ходить одному. Потому что нет-нет да и появятся в газете объявления: «Просим помочь в поисках мальчика...», «Потерялась девочка...». А еще чаще – по телевидению. Жуть такая – видишь на экране фотографию мальчишки или девчонки, живое, веселое лицо, и понимаешь, что, может быть, в это время его где-то уже черви грызут...

Ну, бывает, конечно, что кто-то сам убежал из дома или в лесу заблудился и потом его отыщут живого. Но ведь не секрет, что есть на свете гады, для которых самая большая радость – замучить человека. Особенно маленького, беззащитного. Поймают, наиздеваются всласть и в живых не оставят. Концы в воду... При мысли, что такое может случиться и со Степкой, ужас прокалывал Федю ледяной иглой. Мало, что отца загубили у парнишки, дембили проклятые!..

Один раз Федя неосторожно ругнулся так вслух.

– Что-что? – переспросил оказавшийся рядом отец. Потом объяснил, что слово это вовсе не ругательное. Так по традиции называют себя солдаты, ожидающие скорого увольнения из армии. От слова «демобилизация». И сам он, Виктор Григорьевич Кроев, тоже когда-то был дембилем. И скорее всего, Феде тоже придется пройти через это, потому что всеобщего и полного разоружения в ближайшее время не ожидается.

Федя смутился, но потом объяснил, что дембилями называет вовсе не всякого солдата, уходящего домой, а таких людей, у которых «демобилизация» всего человеческого. Тех, кому обязательно надо кого-то унижать и бить... А нормальные солдаты зря придумали себе такую кличку. Кстати, по-солдатски это звучит и пишется «дембель». А по-Фединому – «дембиль». Гораздо точнее. Слово это похоже на другое – «дебил»...

За Степку Федя продолжал бояться. И порой снилось даже, что Степка исчез. Причем сны были двух разновидностей. Иногда Степка терялся в Городе. В том Городе Фединых снов, где полузнакомые улицы приводили вдруг на океанские набережные, а обыкновенные дома перемежались с фантастическими сооружениями звездных пришельцев. Федя шел по этому Городу со Степкой, и Степка вдруг непостижимо, в одну секунду, исчезал. Шагнул в сторону – и нет его. И Федя метался по тротуарам, лестницам, эстакадам и каменным средневековым

коридорам. В томительной тревоге и жгучем нетерпении – найти, спасти, больше не отпустить... Но было в этой тревоге что-то от приключений, от игры. Потому что в глубине души Федя знал: в Городе нет настоящей опасности и он не принесет малышу зла. И постоянно грела надежда – вот за этим поворотом, за той дверью Степка найдется... Чаше всего Федя просыпался, так и не отыскав его. Но страха и горечи от такого сна не оставалось. Будто обязательно будет продолжение, где он Степку найдет...

Но были и другие сны – до жути похожие на реальность. О том, что Степка ушел из детского сада и вот уже несколько дней его нет, нет, нет... И самую страшную пытку – пытку неизвестностью – Федя ощущал всеми нервами, как наяву. Тут бы схватиться за крестик, но его не оказывалось на груди. Потому что Федя сам был виноват: не пришел за Степкой вовремя... А телевизор бесстрастно вещал: «Потерялся мальчик...»

...Такой вот сон как раз приснился Феде утром того дня, когда случилось ДТП и он встретил незнакомую девочку.

На этот раз в роли дикторши почему-то выступала Флора Вениаминовна. Была она в платье с цветочками, а на плечах – погоны капитана милиции. Но это ничуть не удивляло Федю. До удивления ли? В душу его, полную тоски и страха, слова Хлорвиниловны падали, как железные шарики в черную воду:

«Разыскивается мальчик, Степан Горецкий. Шести лет. Волосы русые, лицо круглое, нет верхнего переднего зуба, над левой бровью маленький белый рубчик. Три дня назад около восемнадцати часов пропал из детского сада номер семь на улице Хохрякова. Был одет в темно-красные, с белыми полосками, трусики, красную пятнистую майку, оранжевые гольфы и красные сандалии. Всех, кто может что-либо сообщить о пропавшем ребенке, просим позвонить по телефону...»

За стенкой, в своей комнате, безудержно и с надрывом – так же, как при известии о гибели Миши, – рыдала Ксения. Хлорвиниловна, слыша это, недовольно косилась с экрана. Потом вдруг хлопнула, как в классе, ладонью о стол:

«Пре-кра-тить!» Один погон свалился с ее плеча. И Федя с великим облегчением осознал, что это сон. Слава Богу, опять сон!..

Усилием воли он сжал потускневшее сновидение в комок, отбросил его. И стал со счастливым облегчением просыпаться.

В окно сквозь верхушку тополя било горячее солнце. И оттого, что страх оказался пустым и что сейчас утро, лето и почти каникулы, сделалось удивительно радостно. А еще лучше стало, когда в приоткрытую дверь проник Степка. Живой, невредимый, с припухшими после сна губами и растрепанными волосами. Увидел, что Федя не спит, заулыбался (вместо зуба – черное окошечко). Федя лег на спину, руки заложил за голову, ноги подтянул – коленками вверх. Разрешающе глянул на Степку. Тот весело подскочил, забрался на постель. Сел Феде на колени и съехал с них на живот. Федя тихонько взвыл:

– Балда! Больно же...

Степка виновато засопел, но с живота не слез.

Из-за дверей донеслось:

– Эй, вы, там! Умываться и завтракать! Я из-за вас на работу опоздаю! – Это Ксения. Родители уже ушли. Мама заведовала регистратурой в зубо-врачебной поликлинике (сто-ма-то-ло-ги-че-ской) и отпраивалась на работу раным-рано. Отцу полагалось быть в лаборатории к девяти, но он тоже всегда спешил. А в последнее время – особенно. Завод переходил на новую продукцию («Кон-вер-сия!»).

– Слышите, вы! – торопила Ксения.

Но Федя знал, что минут десять можно еще поваляться.

Степка потерся щекой о поцарапанное плечо и сообщил:

– Мне уже через неделю семь лет будет...
– Вот новость!
– Ты мне что подаришь?
– Ремень...
– Да ну тебя, – надул губы Степка. – Одно и то же...
– Что – одно и то же? – не понял Федя.
– От мамы только и слышишь: «Сейчас ремня получишь...» Катерина в садике тоже:
«Сейчас как всыплю, будете знать!...»
– Опять, что ли, руки распускает?
– А ты думал! Вчера как вляпала, аж зачесалось...
– За что?
– Мы с Дрюшкой подрались. Помнишь, толстый такой...
Федя всех в Степкиной группе помнил. Андрюшка Сотин был тихий, добродушный человек. И к тому же Степкин приятель.
– Ненормальные, да? Чего не поделили-то?
– А чего он... Услыхал где-то считалку дурацкую и целый день, как магнитофон... – Степка сердито, но с выражением прочитал:

Грузди, обаб-ки,
Рыжики, синяв-ки.
В лес пошел Степ-ка,
Ободрал...

И, покосившись на дверь, Степка полным словом назвал то, что ободрал в лесу.
– А потом еще:

Не горюй, Степка,
Заживет...

Федя хихикнул:
– Подумаешь. Это же детское народное творчество. С давних лет. Во всех садиках такие дразнилки. Даже интересно.
– Это если про других – интересно. А когда про себя...
– Без этого в детсаду не проживешь, – философски разъяснил Федя. – Сам небось знаешь, не первый год там...
– А тебя тоже дразнили?
– Естественно... «Дядя Федя съел медведя...»
Степка обрадованно подскочил у него на животе, и Федя опять охнул:
– Тихо ты, аппендикс выскочит...
– А ты вырежь, как у меня. – Степка потер на животе светлый рубец со следами-точками от ниток. Он гордился, что год назад перенес настоящую хирургическую операцию...
– Чтобы я свой родной аппендикс отдал добровольно? – возмутился Федя. – Брысь умываться!
– Счас... А Бориса тоже дразнили?
– Еще как! Хуже всех...

Ты иди все прямо, прямо,
Будет там помойна яма,
В яме той сидит Борис,

Он наелсядохлых крыс.

– Мы с ним тогда и подружились первый раз, – вспомнил о раннем детстве Федя. – В средней группе. Я за него заступился, и мы двое... против толпы...

– А когда он приедет? Скоро?

– Через неделю, наверно. Если в Москве не задержится...

– Я про Бориса тоже стихи сочинил, – сообщил Степка.

Плачет Боря на заборе,
У него большее горе:
Мама не дает Бориске
Съесть холодные сосиски.

Федя не пощадил автора:

– Это ведь не твои стихи. Такие уже есть, только не про Бориса, а про киску...

– Ну и что! Я же переделал!

– Так нельзя. Настоящим поэтам за такие дела знаешь как попадает!..

– Я ведь еще не настоящий, – опять надул губы Степка.

– «Еще»... – усмехнулся Федя. Степкина склонность к рифмотворчеству была всем известна.

– А какие ты еще дразнилки знаешь? – ушел Степка от неприятной темы.

– Да такие же, наверно, как и вы там...

«Вова-корова, дай молока.
Сколько стоит?» – «Три пятака...»

– Это все знают.

– А еще:

Игорешка-поварешка,
Недоварена картошка...

– Ой, эту я не слышал! – обрадовался Степка. – Игорешка у нас как раз есть!..

– Да ты что! – спохватился Федя. – Я тебе для этого, что ли, рассказываю? Чтобы ты людей изводил, да?

– Я же для запаса! Если они первые полезут!..

Ксения сунула голову в дверь:

– Да это что за лодыри! Еще и не думали одеваться!..

Федя дотянулся, взял со стула заряженный водяной пистолет и пустил в сестрицу струю.

Ксения пообещала из-за двери:

– Подожди, попросишь еще нашивку...

– Ну Ксю-уша!.. – Федя вскочил, свалив на пол Степку. – Мы хорошие!..

Этот день с утра до вечера...

Красивый ярлык от иностранных шмоток нужен был, чтобы рассчитаться с Гугой.

Гуга – Федин одноклассник. Кличку свою он получил благодаря географичке Анне Григорьевне. Что-то ехидное сказал на уроке, и Аннушка не выдержала:

– Ох и змея ты, Куприянов!

До этого Гошка Куприянов был просто Купер. Но тут кто-то из девчонок находчиво хихикнул:

– Не змея, а Большой Змей. Из романа Ку-пера.

Ну и пошло: Большой Змей – Чингачгук – Гук – Гуга...

Было это еще в начале пятого класса. С той поры Гуга крепко повзрослел, обогнал многих одноклассников не только в росте, но и, как говорится, в «жизненных интересах». Имел касательство к компании некоего Герцога, что тусовалась в большом дворе на улице Мира. Завел себе в классе двух приятелей-адъютантов, на остальных же «пионерчиков» глядел снисходительно. Впрочем, агрессивности не проявлял, на прозвище не обижался, учился прилично и ни на каких «учетах» не состоял.

В конце мая Гуга спас Федю от большой беды. Учитель немецкого языка Артур Яковлевич – сухой, язвительный, но, надо сказать, справедливый – долго вытягивал из стоявшего у доски Федора Кроева путанные ответы и наконец сообщил:

– Сударь мой, ваша годовая оценка – в состоянии шаткого балансирования между спасительной тройкой и... вы сами понимаете чем. Поэтому – последний шанс. Если переведете предложение, можете гулять с ощущением спасшегося грешника. Если же нет – нас ожидают частые встречи на летних занятиях... – И начертал на доске немецкую фразу, в которой Феде был знаком лишь глагол «sterben», что означает «умирать». Ну, Федя и начал помирать от безнадежности. Старый Артур с подчеркнутым терпением смотрел на семиклассника Кроева, а тот – с тоской на класс... Тут-то Гуга вдруг и поднял тетрадный лист с крупными буквами перевода. На две секунды. Феде хватило.

Он опустил глаза, почесал для видимости в затылке, потом без излишней торопливости и вроде бы даже с некоторым сомнением написал русские слова на доске: «Я смотрел фильм «Никто не хотел умирать»».

– Фортуна оказалась благосклонна к вам, – заметил Артур Яковлевич. – Однако ежели вы и в следующем классе станете демонстрировать столь прохладное отношение к языку Гете и Шиллера... Впрочем, нотация – не лучший вид напутствия перед каникулами. Ступайте с миром...

После урока Федя выдохнул с искренним чувством:

– Ну, спасибо тебе, Купер...

Гуга, однако, не воспринял прочувствованного тона:

– «Спасибо» – это чересчур. А вот троячок – в самый раз.

– Че-во? – изумился Федя.

– А что? Разве дорого?

Федя сперва не поверил. Потом понял.

– А как насчет совести?

– Насчет чего? А-а... – Гуга был малость толстоват, но в общем-то симпатичный. И улыбался славно. – Вопрос этот неоднозначный. Пойди тогда к Артуру и расскажи, как ты перевел фразу про шедевр советского кино. Раз уж речь о совести... Я, между прочим, рисковал, а за риск в наше время платят.

Логика была убийственной. И Федя пообещал, что, раз такое дело, трояк он выплатит. Сейчас не может, в кармане пусто, но принесет на летнюю практику, где они все равно встретятся.

– Ну, гляди, – сказал Гуга. – Я проценты не начисляю, будь и ты джентльменом.

Удивляться в общем-то было нечему. «Рыночные отношения» в седьмом "А", как и во всей школе номер четыре, давали себя знать. Девчонки, например, торговали косметикой. Алка Щепяхина – та вообще притащила однажды целую коробку всяких заграничных тюбиков, пенальчиков и баночек. Одноклассницы налетели и завизжали: сперва от восторга, потом – узнав цены. Однако платили, у кого было чем. Кончилось, правда, скандалом. Алку поволокли к завучу, товар учительницы изъяли в свою пользу. Впрочем, Алка хвасталась, что заплатили честно...

В июле полагалось отработать две недели на ремонте школы, если не хочешь ехать в ЛТО. Федя не хотел... Но на практике Гуга не появлялся, и Федя забыл про долг.

А вчера Гуга вдруг осчастливил школу своим посещением. И даже взялся таскать с Федей на свалку носилки со строительным мусором. А перед тем сказал:

– Кроев-Шитов, привет. Нет ли у тебя моей трешки?

– Нету. Я же не знал, что увидимся. Ты столько дней не приходил.

– А может, завтра принесешь?

– Принесу, – вздохнул Федя. Не хотелось разменивать бумажку в двадцать пять рублей, это был их с Борисом запас. Да куда ж деваться-то? Если у родителей или у Ксении просить, сразу: «И так перед зарплатой без гроша сидим, а тебе на какие-то глупости! Зачем?» Не рассказывать же «зачем»...

– Я бы не торопил с долгом-то, да капиталы нужны, по крохам набираем, – поделился Гуга. – Совместное предприятие, в духе времени.

– Магазин, что ли, открываете? – хмыкнул Федя.

– Ага... Ох, Шитик, это что у тебя за лейбл на задку? – Гуга даже шаг сбил (он шел с носилками позади Феде).

– Фирма. «Фогелькёниг унд Брудер», Тироль, – на ходу придумал Федя. Надпись все равно была неразборчива.

– Уступи, а? Как раз за трояк бы...

– Может, уж заодно штаны снять?

– Ну, как хочешь... А то были бы в расчете.

– Завтра будем в расчете... Слушай, а если тебе надо, я могу ярлык подыскать. Конечно, не такой, но не хуже...

– Вери-мери гуд! – обрадовался Гуга. – Неси!..

Вечером Федя подмазался к сестрице. Мол, один парень в школе ужасно как просит заграничный ярлычок.

– Ладно, утром дам. Сейчас не приставай...

И вот теперь, после торопливого завтрака, Федя опять насел на Ксению:

– Обещала же...

– Зануда какая!.. Отведешь Степана, потом ищи сам в ящике, в шкафу. Мне некогда... Ты сколько еще будешь возиться, горе мое постоянное?! – Это уже Степке. Он долго не мог найти сандалии, а теперь пыхтел, застегивая пряжки. Мать дала ему шлепка. Степка надулся. Обиден был не сам факт рукоприкладства, а что не удалось проявить ловкость и увернуться.

– Не горюй, Степ-пка... – усмехнулся Федя. – Пошли...

Уже на улице он вспомнил:

– А про ремень я не шутил. Правда подарю. Широкий, с пряжкой...

– Мама не разрешит, если военный, – насупился Степка.

– Не военный, а пиратский! У Бориса в кладовке пряжка нашлась, его папа из Польши привез, давно еще. Вся хромированная, блестящая, на ней медная пиратская рожа с повязкой на глазу и скрещенные пистолеты. А по углам – якорьки...

– Ух ты!.. – Степка заподпрыгивал на ходу.

– Да... Только нужно еще кожу отыскать для пояса...

Степка сказал озабоченно:

– Такой ремень надо ведь с длинными штанами носить. А нам не велят, говорят, не полагается в детском саду.

– Нашел о чем печалиться! В школу пойдешь – надоест еще и форма, и взрослый вид, и вся каторжная жизнь. Пожалеешь о беззаботном детстве в коротких штанишках.

– Ох уж «о беззаботном»...

– А ремень такой можно хоть на чем носить, хоть прямо на голом пузе. Пиратский ведь, а не форменный...

Проводив Степку, Федя вернулся домой. В Ксениной комнате подступил к платяному шкафу, с натугой вытянул нижний ящик. Здесь у Ксении был тряпичный «калейдоскоп»: пестрые лоскутки, ленты, куски кружев, обрезки меха и прочие отходы производства. Ксения работала не только в «Светлане», но и брала заказы на дом. Тут же, в ящике, валялись всякие пуговицы, застежки-"молнии", брошки и прочая дребедень. И среди этой рухляди – то, что надо Феде, – всякие нашивки и ярлычки.

Федя добросовестно выбрал для Гуги «нашлепку» покрасивее – шелковисто-черную, с вышитой серебристыми нитками старинной пушкой. Из пушки вырывался желто-красный залп с дымом, а по нижнему краю золотились буквы: «McCARRON & CO».

Пора было в школу: отрабатывать неизбежные трудовые часы. Полагалось приходить к десяти. Федя чуть не опоздал, потому что, когда уже спустился с четвертого этажа и вышел на расплавленный от жары двор, стукнуло в голову: хорошо ли выключена дома горелка на плите и не сочтется ли потихоньку коварный газ? Умом он понимал, что ничего такого, конечно, нет. Но «перестраховочное» воображение тут же подсказало: «А вдруг?» Приходит на обед мама, чиркает спичкой...

Ругая себя на все корки за бестолковость и трусость, с которой не умеет справиться, он вернулся домой. Горелка была, естественно, в порядке. Заодно Федя потуже закрутил краны на кухне и в ванной, проверил, не горят ли где лампочки, и тогда уж со спокойной душой направился в школу. Правда, по дороге подумалось опять: не остался ли, случайно, невыключенным в комнате родителей телевизор? Но глянул на свои поцарапанные часы – без пяти десять...

Кирпичная коробка школы была налита внутри сладостной прохладой. После уличного зноя – даже мурашки по голым рукам-ногам. И все здесь было сейчас необычно: запах извести, мусор, перевернутая мебель, распахнутые всюду двери и гулкость коридоров (как в тех пустых загадочных зданиях, которые видятся порой в снах про Город). И сам ты не такой, как обычно, – без формы, без увесистого портфеля, – словно гость, забредший сюда из другого мира. И ощущение разросшегося пространства и пустоты, хотя людей в школе немало: и рабочие, и ребята, и учителя... Впрочем, учителя тоже выглядели незнакомо – в заляпанных краской халатах, спортивных костюмах и всяких робах. Преподаватели помоложе сколотили бригаду, чтобы летом подзаработать на ремонте родной школы. В этой роли, кстати, они нравились Феде больше, чем на уроках. Даже Хлорвиниловна – в брезентовых штанах с лямками, клетчатой рубашке и пестрой косынке – казалась вполне симпатичной...

Хлорвиниловна посетовала, что работы для ребят нынче мало, но обещала отметить всем полновесные четыре часа. Только пусть из двух классов повытаскивают парты и составят штабелями в коридоре. Федя, Витка Шевчук и несколько пацанов из параллельного седьмого "Б" (то есть уже восьмого!) провернули эту работу за полчаса. Тут появился наконец Гуга.

Федя отозвал Гугу в сторону и вручил обещанное.

Гуга не скрыл удовольствия:

– Моща?!.. Никому не дам, себе приклепаю.

И тогда Федю осенило:

– Имей в виду – не трешка, а пятерик! По преysкуранту. Хоть кого спроси...

Гуга сказал только:

– Чё не предупредил-то заранее? Я сдачи не наскребу... – И зашарил по карманам модно потрепанных, оборванных у колен вельветовых штанов. – Гляди, всего рупь с полтиной...

– Ладно, полтинник потом отдашь. – Приятно было иметь в должниках не кого-нибудь, а всем известного Гугу...

А полтора рубля – это в самый раз! Именно столько стоит солдатский ремень. Пряжку с него – долой, а кожа – для подарка Степке...

Военторг располагался в старинном доме с высокими окнами, на углу Октябрьской и Красноармейской. Федя встал в тени тополя и стал ждать кого-нибудь из военных посимпатичнее. Если сам сунешься к прилавку – ответ один: «Гражданским покупателям военные товары не продаем, а детям тем более!..»

Наконец появился пожилой дядька – в очках, с двумя звездочками на гладком погоне.

– Товарищ прапорщик, можно вас попросить...

– Ну, попроси. Что такое?

– Не могли бы вы купить мне солдатский ремень? А то ребятам не продают...

Взгляд за очками сделался настороженным.

– Зачем тебе? Вроде до призывного возраста еще не дотянул. А там казенный дадут...

– Ну, мне очень надо. Честное слово...

– Знаю, что надо, – как бы отодвигаясь, произнес прапорщик. – Намотали пояса на руку и пошли стенка на стенку друг друга пряжками кромсать...

Это болезненно царапнуло Федю. Но он сказал спокойно, без рисовки, даже с грустью по отношению к себе:

– Ну, поглядите: похож я на тех, кто дерется пряжками?

Он знал, что не похож. Щуплый пацан с аккуратной, еще не отросшей стрижкой, с ничем не примечательным лицом благополучного сына благополучных родителей. С жалобными, просящими глазами цвета жидкого чая.

Прапорщик вроде бы смягчился, но проворчал:

– Шут знает вас, нынешних. Раньше сразу было видно, кто шпана, а кто нормальный. Теперь же сам черт не разберет...

Было ясно, что дело не выгорит. И Федя сказал уже просто так, ради справедливости:

– Пряжка мне, между прочим, и не нужна. Я мог бы ее прямо при вас в урну выбросить. Мне только кожу надо... для подарка братишке... – И вот ведь нехстати: от обиды сдавило горло. Федя сощурился и стал смотреть вдоль улицы.

– Ладно, давай деньги, – вдруг сказал прапорщик.

Федя обрадованно выгреб из заднего кармана рубль и мелочь.

Прапорщика не было долго. Появилась даже нелепая мысль: уж не зажил ли этот дядька Федин капитал и не слинял ли через другой выход (был такой – через двор). Но вот он вышел. Со сверточком в руке.

– Тебе ведь одна кожа нужна? Ну, я и выпросил без пряжки, за девяносто пять копеек. Держи товар и сдачу...

– Спасибо! Я, значит, марки куплю! – обрадовался Федя так, что у прапорщика рассеялись всякие сомнения.

– Ну, гуляй, отпускник! Каникулы небось?..

От Военторга Федя двинулся во двор к Борису. Тот жил на улице Грибоедова в старом восьмиквартирном доме, обшитом потемневшим тесом. Над домом, как над исследователь-

ским кораблем, торчала щетина разнокалиберных антенн. На дворе в ряд выстроились дровяники и сараи. В одном из сарайчиков стоял их с Борисом «Росинант» – драндулет Пензенского завода. Дребезжащий от старости, но легкий на ходу, потому что втулки перебирали регулярно и о смазке не забывали... Сегодня надо было наконец разбортовать заднюю шину и подклеить заплату на камере, а то колесо спускало через каждые полчаса...

У сарая Федя встретил Борькину бабушку. Она обрадовалась и спросила, не хочет ли Феденька холодной окрошки. Феденька хотел. Поглощая на кухне окрошку, он узнал, что пришло письмо из Ярославля, где была очередная стоянка туристского четырехпалубного «Михаил Кутузов». Борис и его родители сообщили, что повидали множество городов и всяких интересных мест и уже соскучились по дому. Плавание по Волго-Балту очень увлекательное, только подводит погода: часто идут дожди...

– А у нас хоть бы капля перепала. На огороде все сохнет...

– Синоптики обещали грозу, – утешил Федя.

– Дай-то Бог... – Бабушка глянула на икону в углу.

Часа полтора Федя возился с велосипедом: приклеил резину, качнул во втулки жидкого масла, примотал крепче проволокой тормозную планку. Потом отыскал в коробке со всякой мелочью ту самую пряжку. Борис давно говорил: давай подарим Степке, чего она без дела валяется... Федя поколотил поленом кожу (а точнее – твердый искусственный материал). Пояс, конечно, сделался обшарпанным, зато не таким жестким. Федя приладил его к пряжке и отрезал лишнее, а то хватило бы на шестерых Степок...

Когда Федя вернулся домой, на кухне хозяйничала мама. Сообщила, что сегодня с обеда у нее отгул.

– Отработал свою практику?

– Завтра еще день...

– Что же вы там, бочки с мазутом катаете? Ноги перемазаны...

– Это я «конягу» чинил... Мама, обедать не хочу! Меня Оксана Климентьевна окрошкой кормила. Две тарелки!

– Сейчас на рынок пойдем. Помойся только, чучело.

Федя с удовольствием забрался под душ и заверещал под холодными струями. Сразу позабылась всякая жара... Но потом пришлось пустить и теплую воду, иначе смазка не отмылась.

– Много мыла не трать! – крикнула из кухни мама. – Там последний кусок, по талонам опять не дали...

Федя сказал из-за двери, сквозь шумное журчание:

– Вот если бы ты пускала меня на речку, никакого мыла не пришлось бы тратить. Песочком оттирался бы...

– Приедет Боря, тогда пожалуйста, вдвоем. Он – человек надежный. А ты растяпа. Сам же говорил – плаваешь еле-еле...

– Там и плавать-то негде! Везде по пуп!

Речка Ковжа, что под заросшими береговыми откосами дугой опоясывала Устальск, была когда-то судоходной. До революции стояла на ней пристань купца Елохина и с низовьев подходили сюда грузовые и пассажирские пароходы с могучими гребными колесами. Федя видел их на фото в краеведческом музее. Но сейчас единственными судами на Ковже были «форфанки» с лодочной станции, моторки частников да трескучий катерок ОСВОДа. В середине лета взрослый дядька мог перейти Ковжу, не замочив подбородки. А у берега всегда было полно отелей, удобных для купания. Правда, вода пахла отходами фабрики «Восход», но местные жители, особенно пацаны, были неприхотливы... Однако убедить маму, что купание в одинокую не связано ни с каким практическим риском, Федя всерьез и не пытался. «Перестраховочные тенденции» были в ней сильны не менее, чем в сыне...

Ходить на рынок Федя любил. Правда, с товаром в последнее время было небогато, но все же хватало интересного. Пестрели цветочные ряды. Предприимчивые кооператоры продавали всякие забавные штуки: раскрашенные индейские маски из гипса, игральные карты с портретами политиков вместо королей, дам и валетов, расписные глиняные копилки, вырезанных из дерева гномов и раскрашенных солдатиков ростом с палец.

Громадные, построенные еще в тридцатые годы павильоны «Мясо» и «Молоко» – с решетчатыми конструкциями и сводчатыми потолками – были почти пустыми по причине продовольственных трудностей. Они были похожи внутри на ангары для космических аппаратов (опять же из Фединых снов про Город). Зато среди открытых овощных рядов было оживленно. Правда, в середине июня овощей маловато: зеленый лук, укроп да тепличные огурцы и помидоры. Но вместе с прошлогодней картошкой и свеклой, связками золотистых луковиц и сушеных грибов они создавали видимость некоторого изобилия. К тому же приехавшие с юга торговцы продавали дряблые яблоки и свежую черешню. Цена на черешню была покупателя в упор, как залп картечи, но мама, поохав, купила все-таки полкило. Федя сунул одну ягоду в рот, и мир вокруг сделался сладким и прохладным...

Рядом с грудой черешни на прилавке лежал почему-то совсем не подходящий для этого места товар: приколотые к серой тряпице значки. Это были белые эмалевые кружочки размером с полтинник, а на них – фигурки всяких персонажей: Буратино, Незнайка, Кот в сапогах, Дюймовочка и прочая сказочная компания. Видимо, торговец черешней подрабатывал еще и таким вот «значковым» промыслом.

Феде понравился значок, на котором красовался толстый человечек с пропеллером за спиной. Федя ткнул пальцем:

– Почему?

– Адын рупь! – обрадовался темнощетиный продавец. – Бэры, мальчик, хороший значок... – Он стал отстегивать Карлсона. – Ай, булавка отскочила... Ладно, мальчик, бэры бэз денег, приклеишь булавку, будэшь носить...

– Спасибо! – Федя схватил значок и бросился догонять маму, на бегу размышляя, что не такие уж скаредные эти южные купцы, хотя все их обвиняют в рвачестве.

– Возьми сумку, там картошка, – сказала мама.

Федя подхватил отяжелевшую сумку и опять кинулся в сторону – к стеклянному киоску с открытками и журналами.

– Ты куда?! – всполошилась мама. Потому что сквозь стекла киоска светились на лаковых календарях голые девицы. Но Федю интересовали не девицы (к ним давно все пригляделись, этого добра хватало на каждом углу, где есть киоски). Федя издали увидел серию марок «Русские адмиралы». Марки стоили всего двадцать две копейки, сдачи от ремня хватило на два комплекта – один в альбом Феде, другой Борису. Федя сунул всех адмиралов в один конверт и спрятал его под майку...

Дома Федя приклеил эпоксидкой к подаренному значку булавку и сунул Карлсона в ящик стола: пусть смола застывает.

– Мам, я возьму «Росинанта» и покатаюсь! А потом заеду за Степкой.

– Осторожнее только, ради Христа, не носись как угорелый. И на шумные улицы не суйся.

– Я всегда осторожно. И никуда не суюсь...

– С той поры, как Лев Михайлович соорудил для вас эти колеса, у меня ни минуты покоя...

Лев Михайлович, Борькин отец, собрал им «Росинанта», можно сказать, «по косточкам». В прошлом году. Это получилось и дешевле, чем покупать новый велосипед, и, главное, их, новых-то, ни в одном магазине все равно не сыщешь...

– Не бойся ты за меня, я же перестраховщик...

– Болтун ты, – вздохнула мама.

...Федя уехал из района серых многоэтажек, в котором лишь несколько столетних тополей да кирпичный особняк с конторой домоуправления напоминали, что когда-то здесь были старинные, еще восемнадцатого века, улицы. Он покатил по тропинке вокруг стадиона – головки подорожников и золотые одуванчики шелкали по спицам. Конверт с адмиралами тихо шевелился на животе: Федя так привык к нему, что забыл выложить дома.

После стадиона Федя проехался по берегу Ковжи. Здесь над обрывом ремонтировали церковь. Еще недавно была она огорожена забором с проволокой, и там располагался цех пивоваренного завода. Теперь церковь отдали верующим, и строители возводили заново колокольню – вместо разрушенной в давние годы. Кирпичная двухъярусная башня с арками была уже готова, и рабочие стучали топорами среди стропил крыши. А вместо забора вокруг церкви стояла узорная решетка из чугуна.

Федя отдохнул здесь, свалившись прямо в траву навзничь. Зной плыл над травой, и Федя растворялся в нем, будто кусок рафинада в теплом чае. Это было приятно. Однако, чтобы не растаять совсем, он стряхнул с себя оцепенение и вскочил, распугав кузнечиков. Покатил опять. Решил выехать на Садовую и глянуть на вазу с синим городом...

Вот здесь-то, как известно, и случилось ДТП...

Кино один на восемь

Итак, натянув защитную майку, Федя поехал в детсад.

Уже издали заметно было за низкой зеленой изгородью мелькание пестрой детсадовской толпы. А человек семь сидели прямо на заборчике, свесив ноги на улицу. И конечно, завопили:

Едет Федя
На ве-ло-си-пе-де!
Едет Федя
На ве-ло-си-пе-де!

Степка выскочил встречать. За ним появилась известная своей занудностью Элька Лохматюк. Сообщила:

- А Степу сегодня ставили в угол...
 - За что?
 - А он дразни-ился. На Дениса Копырина...
 - Как? – строго спросил Федя Степку.
- Но ответила опять же Элька:
- А вот та-ак:

Ты иди все прямо, прямо,
Впереди помойна яма.
Погляди в ту яму вниз -
Там сидит дурак Денис...

– Между прочим, ябедничать стыдно, – сказал Федя Эльке. А Степку сурово спросил: – Я тебе для этого, что ли, утром устное творчество рассказывал?

- А это и не то вовсе! Я сам придумал!
- Ты переделал то, что про Бориса! Это свинство!
- А Денис первый задразнился! Опять «грузди-обабки...». А потом засунул мне под майку песочный шиш.

– Что вас мир не берет? – с досадой сказал Федя. – Все время грызетесь да царапаетесь. Зверята и те дружнее живут в зоопарке, на площадке молодняка...

- На них же воспитательша не орет каждую минуту...
- Катерина Станиславовна, мы поехали! – крикнул Федя «воспитательше» через изгородь. Велел Степке сесть на багажник, и они покатили по краешку шербоatego асфальтового тротуара. Улица Хохрякова была спокойная – улица библиотек, поликлиник, детсадов и небольших контор, которые располагались в бывших купеческих и дворянских жилищах. Никто не ругался на мальчишек, едущих там, где место для пешеходов. Степка потряхивался на багажнике и недовольно молчал, обиженный на «свинство». Потом все-таки спросил:

- А ремень сделал?
 - Сделал. Потерпи до дня рожденья...
 - Лучше подари заранее. Тогда я буду дольше радоваться. А то неинтересно, когда все подарки за один раз...
 - Ладно уж, – согласился Федя, потому что в Степкиных словах была логика.
- А Степка вдруг поинтересовался:
- Где ты майку разодрал?

– Было дело... Ох!.. – Федя тормознул и хлопнул себя по животу. – Марки-то? Степка пожелал узнать, что случилось.

– Потом расскажу... – Федя домчал его до своего двора, тормознул у подъезда. – Шпарь домой, скажешь, что я поехал... к одному знакомому. Я у него новые марки забыл. Скоро вернусь... На лифте не ездь, а то застрянешь, топай пешком! – И Федя рванул на улицу Декабристов...

Но через квартал он сбавил скорость. От нерешительности. Подумал: хорошо, если окно открыто и о н а по-прежнему сидит на подоконнике... А если не так, что делать? Стучать в дом, спрашивать о девчонке, про которую не знаешь даже, как зовут... Может, ну их, эти марки? Нет, жалко... И по правде говоря, не только в них дело. Почему-то х о ч е т с я вернуться к тому дому.

Сама девчонка Федю не интересовала. Даже лицо не вспомнить. Запомнилось лишь, как поднимала к губам костяшки и дула на них, будто обожгла. В общем, ничего привлекательного...

Не надо думать, что Федя вообще не заглядывался на девочек. Приходилось уже и влюбляться. Ну, Зойка Волошина в четвертом классе – это, конечно, была детская игра в тайную любовь. А вот в этом году, когда в их классе появилась Настя Шахмамедова, дочка вернувшегося из Польши офицера... Федя сладко млеет от нежности, глядя на нее. Другие мальчишки тоже на нее заглядывались, но Федя не ревновал: Настя со всеми держалась одинаково – весело и чуть насмешливо... На физкультуре она лучше всех крутилась на перекладине и брусьях и не скандалила, как другие семиклассницы, что Георгий Максимович заставляет их заниматься в «короткой форме» – в купальниках. Весной она раньше всех девчонок стала ходить в гольфах, с открытыми смуглыми коленками, и вся была смуглая, точеная и казалась Феде похожей на хрупкую певучую скрипку.

Он так однажды и видел ее во сне – в образе девочки-скрипки, которую надо отыскать в таинственных подвалах Города и расколдовать; томился, искал, зная, что в случае удачи наградой будет необыкновенная музыка... А бывали и другие сны – от которых он просыпался с колотящимся сердцем и капельками пота на лбу. И зарывался лицом в горячую подушку, мучаясь тайным стыдом и страхом... Но в снах случается такое, чего никогда не бывает наяву. А наяву шло все как полагается. Сперва – случайные разговоры, потом: «Ты читала „Марсианские хроники“ Брэдли? Неужели не читала? Давай зайдем ко мне, я тебе дам...» Затем – два билета на приезжую клоунаду «Мимикричи»... А конец – тоже обыкновенный: «Извини, Федя, сегодня я ужасно занята...» И отвратительного вида хлыщеватый девятиклассник Потапов, который ждет ее на углу... К счастью, страдания прекратились в середине мая, когда Настинного отца с семьей опять срочно перевели куда-то. Недели две еще дотлевала печаль воспоминаний, а потом стало некогда – экзамены...

Федя знал, что с нынешней незнакомкой ничего т а к о г о не будет. И тянуло его к тому дому с палисадником не простое желание увидеть ее, а неясная подсказка, что должно произойти с о б ы т и е. Что-то интересное. Это было как предчувствие в снах про Город. Потому что Садовая и улицы рядом с ней, и ваза в окне, и новая колокольня, выросшая над заборами, – это ведь тоже частичка Города. Или хотя бы намек на него...

Окно оказалось открыто. Но девочку Федя там не увидел. Остановился у знакомого палисадника, нерешительно брякнул звонком. Потом еще... И тогда она выглянула. Не удивилась.

– Ты за марками приехал? Или сюда...

Федя опять перебрался через палисадник. Девочка протянула конверт.

– Я почти сразу спохватилась, но ты так быстро уехал. Извини, я заглянула, он не заклеенный. Думаю, вдруг там что-то важное, тогда надо догонять...

– Да ну, ерунда... – пробормотал Федя.
– А ты марки про знаменитых людей собираешь?
– Только про моряков. У меня тема «Флот». И еще «Искусство»... Ты не интересуешься? – Это он просто так сказал, неловко было сразу обрывать разговор.
– Нет, я марками не занимаюсь, – вздохнула она.
– А чем? Фотографиями? – вспомнил он. – Чуть под колесо не загремела, когда фотоаппаратом целилась куда-то...
– Это не фотоаппарат, а кинокамера...
– Такая маленькая? – удивился Федя.
– Да! – оживилась девочка. – «Экран» называется. Такие в шестидесятых годах делали... Хочешь посмотреть?
– Камеру?
– Ну... то, что она снимает. Как получается...
Федя видел, что ей важно не само знакомство, а просто хочется показать свою работу. И любопытно было взглянуть. Получалось, что и правда с о б ы т и е. Но он сказал:
– Да ну... куда я с великом-то... И вообще...
– Велосипед во дворе оставишь, – объяснила девочка и добавила просто, с неожиданной догадкой: – Ты стесняешься, наверно. Не бойся, дома никого, кроме меня, нет.
Федя почесал ногу о ногу и повел «Росинанта» в калитку.

Квартира оказалась необычная. С изразцовой печкой, с лепным узором на потолке вокруг люстры. Окна – высокие, но не широкие, со старинными ручками из синего стекла. Феде всегда казалось, что интересно жить в таком вот доме, который помнит многие поколения и где много старых вещей, книг и кресел, в которых сидели еще прабабушки и прадедушки...

Девочка усадила Федю как раз вот в такое кресло с потертой кожей и завитушками, а сама притащила два одеяла и стремянку. Стала цеплять край одеяла за гвозди над окном.

– Давай помогу, – неловко сказал Федя.

– Да я уже... Я привыкла.

Наступил полумрак, в котором отчетливо светился забинтованный локоть. Девочка поставила на стол небольшой пузатый аппарат с катушками. Умело заправила ленту. Потом вдруг засмутилась (видно было даже в полумраке), неловко, по-мальчишечьи как-то переступила плетеными сандалетками.

– Вот... Это я зимой снимала.

В проекторе вспыхнули щелки, заурчал мотор, луч уперся в лист ватмана, пришипленный кнопками к обоям. Побежали по яркому экрану точки и царапины. И вдруг соединились в название разнокалиберные буквы: «Тик-так, или Маленький сон».

Федя увидел заснеженный двор, малышей с лопатками и салазками. Потом – забор со снеговыми шапками на столбах. Вдоль забора брел закутанный малыш лет пяти. Присмотрелся к чему-то в сугробе, присел, начал раскапывать снег. Вытащил старый (видимо, выброшенный кем-то) будильник. Крупным планом появилось на экране лицо малыша: довольное, конопатое. Весело глядел он из-под кудлатой шапки, радовался находке...

Потом пацаненок этот, уже без шубы и шапки, оказался в комнате, где шевелила зеркальными шариками елка и качали маятник старинные часы (из их окошечка разок выглянула кукушка). Малыш расстелил на столе серую бумагу, притащил плоскогубцы, молоток, отвертку и принялся «чинить» будильник. Сперва побрякивал им и слушал, потом стучал молотком и наконец начал потрошить. Свистнула наружу пружина. Множество шестеренок, винтиков и всяких железок посыпалось на бумагу. Причем таких, каких в механизме будильника и быть не могло. Но это даже смешнее, потому что кино ведь, сказка.

Малыш озадаченно заскреб в затылке. Попробовал было приладить внутрь одну детальку, другую, потом махнул рукой, отошел, забрался в кресло (кажется, в то самое, которое сейчас было под Федей). Сперва он сосредоточенно думал – видимо, о том, как все-таки починить будильник. Потом устроился головой на подлокотнике и прикрыл глаза. Уютно уснул, свесив ноги и уронив с них большие домашние шлепанцы (наверно, мамины).

Вот тут-то и началась у колесиков, гаек и прочей металлической мелочи своя жизнь!

Сначала выкатилась шестеренка, к ней – словно туловище к головке – пристроилась гибкая цилиндрическая пружинка. Снизу у пружинки веером развернулась юбочка из блестящих планок. Появились длинные суставчатые ножки и ручки. И получилось, что это девочка. Лица, конечно, не было – какое у шестеренки лицо! Но движения были чисто девчоночьи. Словно балерина, девочка на цыпочках прошлась туда-сюда, присела, выпрямилась, метнулась в сторону и в страхе схватилась за голову.

И было от чего! Всякие медные и железные штучки из груды деталей выползли на середину кадра и образовали механическое чудовище. Появились лапы с когтями, суставчатый хвост, рогатая голова с челюстями из длинных зубчатых планок. А внутри туловища поворачивались колеса и шестерни, двигались рычаги и балансиры. Машинное страшилище пульсировало и хотело есть. Оно двинулось к маленькой балерине, сжавшейся от страха. Тут бы ей и конец – челюсти распахнулись...

Но неведомо откуда выкатилась гайка. У нее появилось тело из короткой дырчатой полоски, ручки-ножки. По повадкам – явно мальчишка. Он вооружился шпагой из иголки и щитом из подвернувшейся тут же пуговицы. Мальчишка (скорее всего – принц) отдал страшилищу фехтовальный салют, и пошла у них война. Ух и сражались! Дракон дрался лапами, лязгал челюстями, колотил хвостом. Хитро рассыпался на части и складывался опять, прыгал на противника. Но мальчишка ловко увертывался и так трахал зверя шпагой, что от того уже навсегда отлетала одна железяка за другой. И хотя кино шло без звука, Феде казалось, что он слышит звон и грохот боя.

В конце концов принц с головой-гайкой вставил клинок поперек драконьей пасти, и чудовище уже не могло захлопнуть ее. Замотало башкой и жалобно подняло передние лапы. Мальчишка пинками подогнал его к пустому корпусу будильника. Дракон развалился на детали, которые одна за другой попрыгали в будильник. Тот захлопнулся и встал на ножки.

Принц шагнул к балерине, та засмутилась, ручки опустила. Мелко засемила прочь на цыпочках. Мальчишка догнал ее, взял за руку. Вскинул голову-гайку, ожидая чего-то. На стол сел бумажный голубок. А для принца и балерины это был целый самолет. Они и вскочили в него, не долго думая. Голубок взмыл и полетел мимо люстры, мимо елки. Ключнул спящего малыша в нос и пропал. Малыш смешно сморщил конопатую переносицу, открыл глаза. Вскочила опять из часов и несколько раз открыла клюв кукушка. На столе заподпрыгивал, затахтал язык под блестящей шапочкой звонка сам собой починившийся будильник.

А под елкой улыбался большой ватный Дед Мороз – видимо, волшебник...

Девочка выключила проектор, откинула на окне край одеяла, прижала его стулом. Щурясь, Федя сказал вполне честно:

– Здорово интересно. Я даже в настоящем кино не видел, чтобы мультик из таких вот железных деталек...

– Это я случайно придумала. Когда будильник раскопала...

– Тут ведь каждый кадр отдельно снимался, да?

– Там, где фигурки, конечно...

– Ох, наверно, долго это... Да?

– Возилась целый месяц. Ну... зато интересно.

– Отлично получилось, – опять похвалил Федя. – А еще какие-нибудь фильмы есть?

– «Ну, погоди!» есть. Пять выпусков.

– Да я про твои говорю!

– Есть немного. Но не такие, а вроде хроники... Я ведь только прошлой осенью заниматься этим начала. Раньше дедушка увлекался. Давно. Он умер, когда меня еще на свете не было. А все это хозяйство пятнадцать лет лежало в чулане: и камера, и проектор, и монтажный столик. И всякое другое... Я однажды увидела и думаю: дай попробую...

– Трудно было сперва?

– Если фотографировать умеешь, то не очень. Я маленько умела... Да и справочник кинолюбителя есть...

– Ну, покажи еще что-нибудь...

Опять замелькал экран: центральная площадь Устальска, громадная новогодняя елка, снежные фигуры, качели-карусели, ледяные горки. Толкотня, веселье, куча мала в конце ледяной дорожки, а с горки подъезжают все новые любители потолкаться-повалиться. Двое мальчишек, большой и поменьше, в одинаковых кроличьих шапках, тоже съехали с горы, и старший ловко дернул младшего в сторону, чтобы тот не угодил в свалку.

– Стой! – завопил Федя. – Это же мы! Я и Степка!

Фильм остановился. Экран слегка потускнел, изображение замерло.

– Точно! Степка и я! А еще где-то Борис недалеко...

– Надо же! Вот встреча, да?

– Да... А я и не видел, что кто-то нас снимает.

– Конечно, такая толкотня...

– Странно как-то, – сказал Федя, – среди летней жары настоящую зиму смотреть. И как ты сам в снегу... – Он даже поежился, будто повеяло январским холодом. Потом вдруг сообразил: – Значит, мы с тобой не первый раз встречаемся!

– Ага... – почему-то смутилась она. – Выходит, не первый...

– И не познакомились все еще, – слегка насупленно проговорил Федя. – Звать-то как?

– Меня? Ой... Оля...

– А меня «Ой Федя», – засмеялся он, ощутив неожиданную легкость.

Оля засмеялась тоже. И спросила:

– А Степка кто? Братишка?

– Племянник.

– Дядя Федя...

– Ага! Меня иногда так и зовут: дядя Федор. Как в мультике «Каникулы в Простоквашино».

– Может, мне тебя тоже так звать?

Федя дурашливо обиделся:

– Ну, погляди, похож я на «дядю»? Тот, в кино, хозяйственный был, солидный. А я...

– А ты говорил, что перестраховщик, – поддела Оля. – А перестраховщики, они тоже солидные, предусмотрительные...

– Это как когда!.. Показывай дальше.

Досмотрели ленту про зимнее веселье. Федя спросил:

– А сейчас ты про что снимаешь? Вот сегодня. Когда...

– Когда ДТП? – засмеялась опять она. – Я просто ветки над забором снимала. И как за ветками, далеко, башня, а по забору кошка идет...

– Но меня-то ты, надеюсь, не сняла? – вдруг испугался он. – Как я кувыркался. И потом?..

– Думаешь, до того мне было? Я решила, что ты убился...

– Если каждый раз убиваться... – с облегчением проговорил Федя. – А кошка тебе зачем? Для какого фильма?

– У меня летнее задание... В школе работы нет, наша Маргарита Васильевна и говорит: «Пусть каждый себе сам дело для летней практики ищет. А ты, Ковалева, сними кино „Наш город летом“, а осенью на классном часе покажешь»... Потому что я в классе уже «Тик-так» показывала...

– А какое будет кино? Просто так, виды всякие?

– Не всякие... Тут главное – кадры хорошие снять. Можно ведь снимать по-разному. Скажем, если просто вид с берега, то это одно, а если сквозь травинки, когда они в капельках дождя, то уже будто сказка...

– Ага! Надо так сделать, чтобы все увиделось как бы по-новому, да? И город такой... загадочный.

– Правильно! Ты понимаешь! Главное – нужный ракурс! В одной книжке написано: «Чтобы увидеть необыкновенное в обыкновенном...»

Точно, они говорили об одном и том же! И, радуясь этому пониманию, Федя едва не сказал о вазе, на которой синяя картина с Городом. Но сдержался все-таки, словно излишняя откровенность могла сломать что-то хрупкое. Он только заметил сочувственно:

– Трудно ведь это – искать хорошие кадры, да?

– Конечно... Да и не всегда получается как хочешь. Пока снимаешь, кажется, что прекрасно, а проявишь, посмотришь – хоть плачь... А еще очень важно смонтировать как надо. Монтаж в кино – это вообще самое главное...

Оля увлеклась, такая разговорчивая сделалась. Непохожая на прежнюю, стеснительную. Видно, не часто ей приходилось говорить о любимом деле с тем, кому интересно.

А Феде и правда было интересно. В нем словно кто-то раскручивал пружинку с о б ы т и я. Он сказал:

– Небось куча пленки в отходы идет?

– Ох, конечно... А главная беда, что достать ее почти невозможно...

– Подорожала?

– Да не в том дело! Такую вообще сейчас не выпускают, камера-то старая, один на восемь.

– Я в этом ничего не понимаю...

– Ну, смотри, пленка узкая, как лента на магнитофоне. Восемь миллиметров. Раньше ее специально делали для кассетных камер «Кама» и «Экран». А сейчас – только два на восемь. То есть пленка шириной шестнадцать миллиметров, но снимают на нее в два ряда: сперва по одному краю, потом по другому. А после проявки разрезают вдоль специальным резакон...

– А если до съемки разрезать? В темноте, чтобы не засветилась. И зарядить в твой «Экран»?

– Так я и делаю. Только морока ужасная... Но и эта пленка тоже редко продается. Все больше «супер» для новых камер. Она тоже два на восемь, но на ней перфорация другая, помельче. И не подходит...

– Всюду дефицит, – посочувствовал Федя. И тут разговор замялся. Чтобы не получилось долгого неловкого молчания, Федя спросил: – А тот мальчик, что с будильником снимался, – твой брат?

– Нет! Это наших знакомых мальчик. Андрюшка. У меня брата нет, мы с мамой... Ой, вот она, кажется, пришла!

В прихожей хлопнула дверь.

– Я пойду тогда, – стесненно сказал Федя.

– Постой. Мама не съела ни одного человека, не бойся.

– Лёлька! – раздался густой голос. – Ты дома, душа моя?

– Мы тут! Кино крутим! Иди к нам!

Одеяло на одном окне было откинута, и Федя разглядел Олину маму сразу, с порога. Она была худая и высокая, с длинным складчатым лицом, густыми светло-желтыми волосами

(наверно, крашеными). В ушах качались цыганские серьги-полумесяцы. Узкое зеленое платье переливалось, как змеиная кожа.

– Здравсте... – Федя неловко выбрался из кресла.

– Это Федя, – бодро сообщила Оля. – Мы познакомились на улице, когда я чуть не сыграла ему под колесо. Потом он бинтовал мне локоть, и забыл у нас марки, и приехал за ними, и я показывала ему свои ленты...

– И небось уморила человека... – Олина мама смотрела на Федю как на вполне знакомого. Зелеными спокойно-веселыми глазами. И он ощутил освобождение от всякой неловкости. Проговорил с дурашливой виноватостью:

– Дело не в марках, я все равно бы приехал. Преступника всегда тянет на место, где пролилась кровь его жертвы.

– Много пролилось-то? – обеспокоилась Олина мама.

– Да не слушай ты его! Я сама виновата, на гвоздь наткнулась. И не здесь это было, а на Садовой...

И тогда вдруг Федя сказал:

– Оля, а помнишь, там недалеко такой длинный дом? На спуске. А в крайнем окне – ваза с синим городом...

– Конечно! Я на нее часто смотрю!

– Вот бы ее снять для твоего фильма! В самом начале. А потом уже виды нашего города. Ну, понимаешь, вроде как переключка: сказочный город и наш...

– Фе-едька... – выдохнула она. – А ведь это в самом деле! Главный стержень фильма может из этого получиться... А я смотрела, смотрела на нее, и даже в голову не пришло. Ты только сейчас догадался?

– Раньше у меня знакомых кинооператоров не было...

Олина мама спросила:

– Есть хотите? Я вам гренок с яичницей нажарю.

– Ох... – спохватился Федя.

– Не охай, – велела Оля. – Не отказывайся.

– Я бы и не отказался, правда. Потому что не обедал, – бесстрашно признался Федя. Хорошо ему здесь было. – Но я от дома уехал только на минуту. Сейчас там уже переполох... Тут поблизости нет телефонной будки?

– У нас дома телефон есть! – обрадовалась Оля.

Федя никак не ожидал, что в этой квартире, где уместнее был бы граммофон с трубой, имеется телефонная связь. Аппарат, кстати, оказался под стать дому и мебели. Висячий, с деревянной ручкой на трубке, с двумя чашечками звонков.

– Его еще мой дедушка ставил, после войны. И до сих пор работает лучше нового. Крепкие вещи в старину делали...

Телефон и в самом деле работал отлично. Мамин голос – будто рядом:

– Федор, это ты? Где тебя носит?

– Меня не носит. Я у одной девочки... Ну, заехал на минуту, и пришлось фильмами заняться, крутим их тут... Господи, да какое видео! Она сама снимает, по заданию школы... Как это – я при чем? – Он весело глянул на Олю. – Я помогаю! Это... консультирую... Нет, недалеко, на Декабристов...

– Ничего себе «недалеко», – сказала мама. – Чтобы через час был дома! А то катаешься где-то, а Степку одного домой отправил. А он в лифте застрял! Минут пятнадцать сидел...

– Какая балда! Я же ему русским языком велел: иди пешком!

Мама сказала, что вот придет отец и разберется, кто там у них балда.

– И не носись, как на гонках! Понял?

Когда Федя повесил трубку, Оля сказала – опять с какой-то скованностью:

- Слушай... а может, ты правда мне поможешь?
- Как?
- При съемках... Понимаешь, хорошо, если будет не просто город, а как бы со своим героем. Который ходит и смотрит... Город – глазами этого человека...
- Меня, что ли, снимать хочешь?
- Да... Я в классе кого только не просила, все на лето разъезжаются... Ой, а ты, может, тоже уезжаешь?
- Не-а... – с удовольствием отозвался Федя. – У родителей отпуск осенью будет. Меня, естественно, собирались в лагерь запихать, но я отбился.
- Значит, договорились?
- Да какой из меня артист...
- Нормальный будет артист! Не Гамлета ведь играть!
- А снимать научишь?
- Конечно!.. Ох, только хватило бы пленки. У меня всего пять катушек осталось... На кухне трещало масло и доносился оттуда восхитительный запах.

Лифт

Ночью прогремела наконец обещанная синоптиками гроза – трескучая, с белыми вспышками и бурливым дождем. Но долгой прохлады не принесла. Утром, по дороге в детсад, Степка еще хлопал сандалиями по лужицам, но скоро они высохли без следа. И когда Федя после школы шагнул на улицу Декабристов, день опять плавился от жары, как масло на желтой сковородке.

На Пушкинской, у Дома пионеров, раскидывал струи фонтан. В бассейне с чугунными осетрами по углам плескался народ Степкиного возраста и постарше. Федя поколебался: не скинуть ли кроссовки и не пробежаться ли по колено в воде под струями? Нет, не солидно...

Но все же не зря он поторчал у фонтана! Заметил, как дрожат в брызгах радуги и салютом рассыпаются искры. Хорошо бы это снять для фильма о Городе. Жаль только, пленка не цветная, но все равно должно получиться красиво: такой праздник воды и солнца! Да и веселящаяся среди струй малышня не будет лишней в этом кино... И Федя заторопился к Оле.

Он собирался прийти к ней позже, после обеда, но теперь все складывалось иначе. В школе Хлорвиниловна сказала, что работы сегодня никакой нет, потому что ремонтники не подвезли материалы, и что всем, кто добросовестно ходил сюда две недели (в том числе и ему, Кроеву) она «практику закрыла» – гуляйте с чистой совестью до сентября. Только последняя просьба к Феде: если ему не очень трудно, пусть он отнесет посылку Анне Ивановне Ухтомцевой. Это старушка, учительница на пенсии. Когда-то она работала в этой школе, а сейчас живет одна, и преподавательский коллектив опекает ее как может. Вот вчера отоварили талоны, надо теперь поскорее доставить продукты по назначению, а то здесь нет холодильника.

– А у тебя как раз вон какая сумка!

Холщовую сумку-мешок с портретом Майкла Джексона Федя прихватил дома, чтобы после школы забежать в булочную. А сейчас пригодилась для посылки...

И не только для посылки! Бывают же на свете удачи!..

Когда Федя, пряча в карман с «орлиной» нашивкой бумажку с адресом, скакал с тяжелой сумкой вниз по лестнице, его перехватил Дмитрий Анатольевич (в просторечии – Дим-Толь). Учитель физики. Он был неплохой мужик, с учениками держался по-свойски и порой любил изобразить рубаху-парня.

– Дружище! Если ты не очень спешишь, помоги мне разгрузить стеллажи в кабинете! Я зашиваюсь! Придут штукатуры, а там бардак! – так он и выразился.

Федя сказал, что вообще-то он спешит. В сумке сливочное масло для Анны Ивановны растает.

– Ни фига с ним не делается за пять минут! А я тебе радиодеталей подкину, у меня там их куча. Интересуешься?

– Не-а, я гуманитарий... Ну ладно, идемте.

В кабинете физики Дим-Толь забрался на стремянку, начал снимать с полок коробки, ящики, вольтметры, лейденские банки и реостаты. Федя все это ставил и укладывал посреди помещения (столы уже были вынесены). Потом на голову Феде упало пыльное чучело совы, неизвестно как попавшее в мир механики и электричества. Федя сел на половицы, поматывая головой.

– Жив? – спросил Дим-Толь. – А, черт! – И, закачавшись, с грохотом прыгнул со стремянки. А на Федю упали картонные коробки. Похожие на сигаретные блоки, только потяжелее. Одна открылась, рассыпались красные коробочки, вроде упакованных лент для пишущей машинки (была такая у отца). Федя машинально взял одну, прочитал на крышке: «Пленка для любительских кинокамер. ОЧ-45. Черно-белая, обратимая. 178. Чувствительность 45 ед. ГОСТа. Казань».

- Ой, Дмит-Тольич, откуда это?!
- Сверху, естественно! Сильно трахнуло?
- Да я не про то! Это же киноплёнка! Она... зачем здесь?
- Когда-то кинокружок был. Потом камеры рассыпались, и дело благополучно скончалось. Как все на этом свете...
- Я возьму несколько штук, а? Мы... с одним товарищем кино снимаем камерой «Экран». А плёнки нигде нету...
- Да забирай всю! В порядке компенсации за контузию. Смотри только, тут срок годности кончился.
- Ничего, сойдет!

Из вчерашних разговоров с Олей Федя знал, что она уже снимала на просроченную плёнку и получалось вполне прилично...

В двух упаковках было по двадцать катушек. Богатство! Федя уложил коробки на дно сумки, под продуктивный пакет, и решил, что отдаст эту славную добычу Оле не просто так, а как-нибудь по-хитрому, с сюрпризом. Вот она запрыгает!..

Оля обрадовалась, когда он пришел:

– Хорошо, что пораньше! Надо летнюю лабораторию оборудовать. Во дворе маленький гараж есть, от дедушкиного мотоцикла. Мотоцикл давно продали, там сейчас просто кладовка...

Федя уже знал, что Олин дедушка был геологом, профессором. Научные книги писал. И до конца жизни оставался неутомимым путешественником и спортсменом. И умер не от старости и долгих немощей, а от жестокого, скоротечного воспаления легких, которое подхватил в поездке где-то на севере... В прихожей, рядом с большим зеркалом в бронзовой раме и старым телефоном, висела полка, и на ней поблескивали друзья хрусталя и какие-то золотистые минералы – из коллекции деда...

Феде вдруг показалось, что в этой прихожей с желтым светом фарфоровых рожков на стене, с оленьими рогами и гнутой вешалкой он бывал тысячу раз, а вовсе не вчера оказался здесь впервые. И девчонку эту с зелеными капельками-сережками и забинтованным локтем знает с детсадовских времен.

– Ольга, – заявил он по-свойски. – С гаражом – это после. Заряжай камеру, и пошли.

– Куда?

– К одной бабушке-старушке. Я ей пакет тащу от учителей, она живет на двенадцатом этаже. Где новые дома за стадионом. Можно будет с верхотуры из окна панораму города снять. Помнишь, ты вчера говорила, что нужна панорама?

...Да, вчера говорили и про это. И еще много про чего. И Федя явился домой не через час, а через два с половиной, за что и поимел крупное внушение. Отец даже сказал задумчиво:

– Девочки – это хорошо, но не посидеть ли тебе, голубчик, денька три дома, чтобы ты мог обдумать, как плохо трепать родителям нервы?

– Не посидеть! – взвыл Федя. Торопливо и жалобно заобъяснял, что никак это нельзя, потому что, во-первых, все равно в школе еще практика, во-вторых, он обещал помочь Оле в съемках, а в-третьих, изматывать нервы любимым родителям он никогда больше не будет, а будет их, родителей, всячески почитать и слушаться до собственной старости.

– Смотри у меня, – сказал папа.

На том и кончилось. И теперь, когда Оля спросила, не попало ли дома, он ответил просто:

– Дело житейское...

Она засмеялась:

– Ты у Карлсона этой поговорке научился? – Тронула мизинцем на его майке значок (булавка вчера приклеилась прочно).

– Точно, – засмеялся и он. – Пошли...

Анна Ивановна Ухтомцева жила в однокомнатной квартире. У нее горьковато пахло лекарством. Оказалась Анна Ивановна сухой бойкой старушкой, совсем не похожей на учительницу, даже на бывшую. Очень обрадовалась продуктам:

– На днях дочка из Ленинграда приедет, я пирожков нажарю и ватрушек с творогом напеку, она их с детства любит... – И огорчилась: – Ох, а вас-то и угостить нечем!

Федя и Оля дружно заверили ее, что оба они «только что из-за стола». И заторопились обратно. Потому что снимать из окон было нечего, панораму заслоняли соседние дома, такие же высокие. Не было здесь и намека на Синий город...

Уже на пороге Оля вдруг обернулась:

– Анна Ивановна, может, вам помочь чем-нибудь? Прибраться или в магазин сходить...

– Ой, что вы, что вы! И так уж помогли. Спасибо, мои хорошие...

«Мои хорошие»! Это она, Ольга, хорошая, а ему и в голову такое не пришло. А мог бы ведь и догадаться. Одна живет бабка-то, как ей со всем управиться?

– Вот, пожалуй, что помогите, – засуетилась вдруг Анна Ивановна. – Мусор прихватите, бросьте на дворе в контейнер, если не трудно. А то я к нашему лифту с электроникой никак не привыкну, боюсь... – Она мелко засмеялась, принесла пластиковый пакет с мусором, пустыми консервными банками и картофельной кожурой.

Федя торопливо отдал Оле сумку и схватил пакет.

– А ты ведь из сумки не все выложил! – сказала Оля.

– Там еще... мои покупки кой-какие... – Он до сих пор не придумал, как поинтереснее преподнести Оле пленку.

Дом был новый, и лифт – самый современный. Просторный, с плафоном дневного света, с огоньками внутри кнопок на пульте, с красивой сеткой на диспетчерском динамике. Двери задвинулись с вкрадчивым шорохом, и кабина услужливо ухнула вниз. Но почти сразу затормозила – с мягкой перегрузкой. Двери раздвинулись, шагнул в кабину мальчишка лет девяти. Слегка взъерошенный, забавно курносый и толстогубый. В бело-голубой клетчатой рубашке-распашонке поверх серых трикотажных шортиков. С широким замызганным бинтом пониже колена. Глянул на незнакомых чуть настороженно и сказал излишне вежливо:

– Вы, наверно, тоже на первый этаж, да?

– Куда ж еще... – Федя нетерпеливо нажал кнопку с единицей. Лифт плавно провалился в глубину, но через несколько секунд вновь затормозил.

– Еще пассажир, – вздохнула Оля.

Но кнопка с номером этажа не зажигалась.

– Это не пассажир, – сказал незнакомый мальчик виновато, будто из-за него задержка. – Это, кажется, зас'стряли. Здесь такое с'случается. – Он заметно запинаясь на букве "с". Может, от досады, а может, так, от природы.

Федя нажал опять «единицу». Кабина не шелохнулась.

– Ну, яс'сно. Приехали... – Мальчик протянул мимо Феди руку и надавил красную клавишу «Вызов диспетчера».

Динамик зашелестел, жирный дамский голос произнес:

– Ну, что у вас?

– То, что пос'тоянно, – капризно сказал мальчишка. – Опять с'стоим. Дом номер три, второй подъезд.

– Хулиганили небось там!

– У вас как неполадка, так всегда кто-то виноват! – со звоном сообщил мальчишка. – Лучше бы наладили с'систему!

– А-а! Это опять товарищ Березкин застрял! Ждите... – И динамик отключился.

– Ну вот, – печально подвел итог виноватый Березкин. – Теперь она нас промаринует назло мне. Я с ней уже с'сорился...

Он завздыхал и стал поправлять сползающий бинт.

– Подвешенный в пространстве лазарет, – заметил Федя. – Все в бинтах и ссадинах...

– Ты-то ведь, кажется, целый пока, – возразила Оля.

– Я душевно травмирован. Вчера Степка в лифте застрял, сегодня я сам. Сплошные ДТП.

Не к добру...

Мальчик сказал, согнувшись и поглядывая исподлобья:

– Даже с'совершенно непонятно, отчего он отключается...

Оля прищуренно поглядела на потолок:

– А может, неподалеку пришельцы пролетали на своей тарелке. Когда они пролетают над дорогой, у автомобилей зажигание отключается. Читали?.. Может быть, и здесь так же...

Федя пообещал:

– Ну, поймаю одного из них, оборву щупальца.

– Разве у них есть щупальца? – удивилась Оля. – Говорят, что они гуманоиды, с руками-ногами. Только головы квадратные. Помните, в Воронеже приземлялись?

Мальчик оставил бинт и объяснил со знанием темы:

– Они ведь всякие бывают, эти пришельцы и НЛО. Потому что они звездный плафон.

– Что за плафон? – изумилась Оля.

– Ну, знаете, в океане плавает! Им еще киты питаются. Это крошечные такие живые существа. Все одинаково малюсенькие, а если поглядеть в микроскоп – тысячи разных пород... – Березкин объяснял, часто перетаптываясь от убедительности тона, и бинт у него опять съезжал. – Ну, это океанский плафон, а в космосе – звездный. Тысячи разных разумных существ и аппаратов. Некоторые на Землю случайно попадают, а некоторые... со всякими целями...

Оля засмеялась, поднося к губам костяшки. Весело глянула на Федю. Тот сказал мальчишке:

– Эх, ты, биолог. Не плафон, а планктон.

– Ой, правильно... Я знал, да забыл.

Он опять стал подтягивать повязку.

– Все равно съедят, – заметила Оля. – Давай перебинтуем, у нас опыт. Да, Федя?

Мальчик почему-то испугался:

– Не надо! Это так... пустяки. – И быстро перевел разговор: – Это что? – Он показал на футлярчик с камерой, который висел у Оли через плечо.

Федя насупил брови:

– Это черный ящик, как в самолете. Для автоматической записи при аварии. Вот если трос оборвется и мы трахнемся, тогда тоже... – Он вдруг ощутил, какая глубокая под полом кабины шахта.

Оля, видимо, тоже ощутила. Сказала:

– Зачем ты дразнишь человека... – И мальчику: – Это киноаппарат. Любительский...

Федя не хотел обижать Березкина. Тот ему даже нравился забавной смесью самостоятельности и беззащитности.

– Не дразню я. Это от злости на судьбу. Ни дня без приключений. – И примирительно объяснил Березкину: – Вчера с велосипеда летел, аж в дереве застрял, а сегодня – вот...

Мальчишка деловито понажимал кнопки – всех этажей и снова диспетчера. Лифт не дрогнул, динамик глухо молчал.

– С'ситуация... – вздохнул Березкин. Отступил в угол, потоптался. Потом уперся яркими глазами Феде в грудь. Улыбнулся: – Какой хороший значок...

Спокойное и ласковое решение пришло Феде в один миг. Он отцепил значок и ловко прикрепил его к рубашке Березкина.

– Носи, раз хороший.

Мальчик замигал, заулыбался нерешительно:

– Ой, что ты... зачем...

– Ну, ты же говоришь «хороший». А у меня просто так...

Вовсе не «просто так» был значок. Федя с утра еще радовался ему. Но сейчас вроде бы и не жаль. Потому что Березкин был славный. Он, конечно, гораздо старше Степки (и не в пример образованнее!), но проскальзывала в нем такая же бесхитростность.

– С'спасибо...

– На здоровье, – вздохнул Федя. И быстро глянул на Олю: уж не думает ли она, что Федя Кроев ради нее решил показать себя добреньким? Но та смотрела со спокойным пониманием. Потом отодвинулась в угол, положила к ногам сумку, подняла опять к губам острые суставы пальцев и задумалась.

Постояли, повздыхали, помолчали.

«Может, сказать ей о пленке? Нет, пока не время...» И Федя опять повернулся к Березкину. Забавное было у того лицо. Губы, как у негра, наружу выворочены, а волосы цвета пакли, и нос вздернут лихим сапожком. Густые брови – с изломом и постоянно приподняты, будто от грустного удивления. Даже когда мальчишка улыбается...

Впрочем, сейчас он не улыбался. Смотрел на Федю с напряженной виноватостью. Стоял скованно, съезжил плечи, сдвинул коленки. Опустил глаза, вскинул опять. И вдруг незаметно, поднятым к подбородку пальцем, поманил к себе Федю. И очень понятно показал взглядом: «Только чтобы она не заметила...»

Федя шевельнул веками: ясно, мол. Придвинуться, будто случайно, приблизил к лицу Березкина щеку. В ухо Феде толкнулся теплый шепоток:

– Я не знаю, что делать. С'страшно хочется в туалет.

Может, кто другой и хихикнул бы. А Федя испугался за мальчишку. Потому что чего смеяться – положение безвыходное. Одними губами понятливо спросил:

– Всерьез или помаленьку?... – Как у Степки, когда того поджимало не вовремя.

– Не вс'серьез. Но с'сильно. Я не рас'считал...

Вот «с'ситуация»... Федя качнулся к пульта. Оля вздрогнула. Он нажал опять диспетчерскую кнопку, но динамик за современной сеткой хранил бесстрастное молчание.

– Понажимай другие, – посоветовала Оля.

Федя лихорадочно понажимал. Без толку. Он опять придвинулся к Березкину. Шевельнул губами:

– Потерпи. Наверно, скоро поедем... – А что еще он мог сказать? И что сделать? Вот если бы Оли здесь хотя бы не было... – Сожмись... Можешь?

Мальчишкины губы снова двинулись. «С'совсем ужас'сно...» – понял Федя. Глаза Березкина округлились, он втянул сквозь зубы воздух. На пределе человек...

– Ольга, стань носом в угол! Зажми уши, закрой глаза!

– Зачем? – очень удивилась она.

– Надо! Скорее! И считай до двухсот! Только не быстро...

– И что будет? Поедем? – Она решила, что такая игра.

– Или поедем, или будет сюрприз. Такой, что затанцуешь. Честное слово! Ну, скорей...

Оля пожала плечами, но послушалась. Указательными пальцами заткнула уши. Зажмурилась и отвернулась.

– Ладно уж. Раз... два... три...

Федя развернул мальчишку лицом к стенке, поставил ему на сандалии большой жесткий пакет с очистками. Шепнул в маленькое порозовевшее ухо:

– Давай потихоньку. Он непромокаемый. – И на всякий случай загородил собой несчастного Березкина от Оли. А та добросовестно отмеряла секунды:

– Пятнадцать... шестнадцать... семнадцать...

На счете «сорок три» Федя уловил за спиной вздох и радостное шевеление. Оглянулся. Березкин держал пакет опущенной рукой и стоял со стыдливо-облегченным лицом. Федя приложил палец к губам, глазами показал на Олю.

– Шестьдесят три, шестьдесят четыре... – Она явно наращивала темп. Ладно, пускай теперь... И когда Оля сосчитала до девяноста, Федя снисходительно сказал:

– Так и быть, хватит уж.

Она быстро обернулась:

– Не едем! Где сюрприз?

– Подними сумку, посмотри, что там...

Оля вытащила коробку.

– Ой, Фе-едя-а... Где взял?

– Физик подарил. Сперва меня контузило, а... Ура!

Лифт зажужжал и поехал вниз.

– Не шумите, а то сглазим, – быстро попросила Оля. И все молчали до конца. Кабина стала, двери разошлись. Человек семь рассерженных взрослых толпились перед лифтом. Толстый дядька в соломенной шляпе и белых штанах возмущался:

– Катаются, понимаете ли, безобразничают, а люди ждут...

– У вас вс'егда дети виноваты, – огрызнулся Березкин. А Феде быстро сказал: – Я пакет сам унесу... – И первым выскочил на двор. Побежал туда, где чернели мусорные контейнеры. Иногда останавливался и подтягивал бинт.

Оля почему-то вздохнула:

– Смешной, да?

– Ну нет. Пожалуй, наоборот, чересчур с'ерьезный.

Они посмеялись.

Березкин от контейнеров не вернулся, убежал куда-то.

Оля и Федя вышли из тени дома под горячее солнце.

– Как ты все же пленку-то раздобыл? Чудо такое...

– Сейчас расскажу. Сперва мне на голову упала сова...

Вторая часть Закон табурета

Спирали

Кинокамера была черно-лаковая, размером с толстый портсигар. Внутри у нее жил хитрый механизм. Когда закручивали откидной рукояткой пружину и нажимали кнопку спуска, камера оживала в ладонях. Механизм чуть подрагивал в кожаной оболочке, урчал, как довольный котенок, а в окошечке видоискателя подпрыгивал черный стерженек – сигнал, что пленка движется нормально. А когда «Экран» жужжал вхолостую, стерженек не двигался.

Именно так, без пленки, сперва и учился Федя работать с аппаратом: не дергать им при съемке, выбирать нужный кадр, определять по экспонометру диафрагму в крошечном, похожем на капельку объективе. А еще – переключать скорости, перезаряжать кассеты, плавно вести камеру при съемке панорамы и учитывать хитрое явление под названием «параллакс» – то есть высоту видоискателя над объективом...

Пробную ленту Оля разрешила Феде снять лишь через два дня. И проявила ее сама, попутно объясняя, какие для чего растворы; их было целых пять! Конечно, Федя израсходовал первую пленку на что попало. Но Оля снисходительно заметила, что для начала получилось неплохо. А про одну сценку – где малышня в детсаду сидит на изгороди и перекидывается мячиком – даже сказала, что, может быть, пригодится для фильма.

– А теперь тебе надо научиться проявлять пленку.

Будь она неладна, эта пленка. Чтобы проявить, надо сперва зарядить ее в бачок. Намотать в полной темноте десять метров капризной скользкой ленты на катушку с тонкой спиралью. И чтобы краешек нигде не выскочил из пазов этой спирали, а то эмульсия слипнется – и прощай, отснятый материал!

Они запирались в кирпичном, без единой щели гараже, и Оля в кромешной мгле подавала советы не спешить и сохранять спокойствие, а Федя поминал столько чертей, что такого количества не нашлось бы во всей преисподней, и тихо рычал. Потому что пленка не хотела вставляться в резьбу бачковой улитки, моток выскакивал из ладоней, лента шелестящей кучей вспухала на полу, щекочуще опутывала ноги, и нельзя было переступить. Под ногами тут же захрустит...

От мрака и бессилия у Феде в глазах прыгали зеленые пятна, и он в сердцах говорил, что зря тогда отвернул «Росинанта» от своей мучительницы. Она смеялась и разъяснила нарочитым голосом учительницы: каждый кинолюбитель должен всю работу делать от начала до конца. А кнопку нажимать на камере – этому может и макака научиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.